

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

МАРА

Э П О Х А
БЕРЛИНЪ ★ МСМХII

Отпечатано въ
типографии
Эннабург и Ко
въ іюль 1922
Берлинъ.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВЪ

МАРА

КНИГА РАЗСКАЗОВЪ

Э П О Х А
*БЕРЛИНЪ * MCMXXII*

*Посвящаю
С. П. Ремизовой-Довиелло*

въ дни народной страды, терпѣнія, надеждъ и отчаянія, когда Россія, колыбель наша, истерзанная злымъ бѣсомъ счастіемъ, родина наша, лихомъ пришибленная, изъ вѣка вѣковъ помыкавшимъ народною волей — душою русской, поднявшейся духомъ до огненныхъ вольныхъ костровъ, засталилась въ ожиданіи послѣдняго суда, а въ кузницахъ, гдѣ подковывали лошадей, изъ виль и сохъ ужъ куеть вольница пики —

въ дни тайныхъ, еще не открывшихся рѣшеній надъ жизнью и смертью народовъ, когда денно и нощно ангелы Божіи несутъ послѣднія молитвы на единое небо къ единому Богу со всѣхъ концовъ расколотой, раскопанной земли —

въ дни вѣры и жертвъ, неволи и страха, кощунствъ и отъявленной подлости — послѣ дневныхъ заботъ и мечтѣй житейскихъ, надувательства всякаго и обмана, ожиданій напрасныхъ, гнѣва и горечи, вдругъ вижу звѣзды —

я еще не видаль такихъ звѣздъ и такъ никогда не любиль!

и въ тихій полуночный часъ, когда въ сосѣднихъ домахъ погасять огни, я тихонько подхожу къ окну и смотрю — —

а онѣ горятъ, любимыя, близкія, вѣрныя звѣзды.

1916

ЧАЙНИЧЕКЪ

На Бассейной дворникъ купаль собаку.

Дворникъ выкатилъ со двора пожарную кишку на тротуаръ, привинтилъ кишку, открылъ кранъ и пустилъ поливать камни. Тутъ подвернулась собака — брызнуло въ собаку — другая бы убѣжала, а эта хапнула ртомъ и стала. Дворникъ еще надавилъ. А она опять ловить: должно быть, здорово пропарились, бѣдняга, и пить очень хотѣлось.

Камнямъ тоже попить хотѣлось . . .

Дворникъ купаль собаку.

Прохожіе щерились, облизывались, вытирали потъ, — одобряли собаку: наставить дворникъ кишку да холоднымъ какъ пустить, а она — хапъ! — знай себѣ, ловить.

Распаренные и очумѣлые, высовывались изъ трамваевъ, кивали и подмигивали собакѣ. И было очень весело, глядя на собаку.

Павель Герасимович Воробушкинъ, проходя по Бассейной, засталъ не мало всякихъ любопытныхъ.

Собака тѣмъ временемъ насытилась и не прочно была убѣжать куда на солнышко. Да, конечно! — пора было отпустить собаку и приняться за мостовую — за камни, которымъ тоже попить хотѣлось.

Но ужъ ее, голубушку, держали!

Дворникъ купалъ собаку.

Дворникъ сердился — собака рвалась: вотъ вырвется и, пронятая до кости, всѣхъ перекусаетъ.

Никто не понималъ, да и мудрено было понять, какъ это такъ возможно въ такую жару и отъ холодной воды отбиваться, и всѣ были на сторонѣ дворника, лютѣвшаго на собаку.

Воробушкинъ, по душѣ жалостливый, хоть и пожалѣлъ собаку, — ну, что бы такое было, если бы такъ съ человѣкомъ мудровали! — но своя неутоленная жажда и духота мостовая такъ и его одолѣвали, что не могъ онъ, и жалѣя, не сочувствовать дворнику — доля промокшей до кости собаки была завиднѣе и его доли, и доли дворника, ярившагося не отъ чего, какъ отъ этой жары невозможной.

А ужъ дворникъ расплевался съ собакой — чортъ съ ней, съ собакой! — перемѣнилъ руку,

да какъ пустить въ прохожихъ, только носомъ зашмыгали.

Съ тѣмъ Воробушкинъ и пошелъ къ себѣ на Дегтярную чай пить.

Павелъ Герасимовичъ Воробушкинъ человѣкъ одинокій и служба его маленькая и самъ онъ такой, что такому и въ добровольцы откажутъ.

Служба Воробушкина маленькая и по нынѣшнимъ временамъ жизнъ трудная: сами знаете, розанчикъ вчерашній къ утреннему чаю себѣ положишь на конфорку, а онъ и проваливается, — такъ все съ каждымъ днемъ уменьшается! Служба маленькая — мѣсто незначительное, а связи не малыя — большиe заправилы и все пріятели Павла Герасимовича!

Какъ сказать, свинѣть что ли человѣкъ, коли посчастливится ему, или по природѣ своей такъ ужъ человѣкъ и родится со свинячьею склонностью, проявляющейся въ жизни человѣка при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Вѣдь, какіе пріятели: и душа нараспашку и совѣтъ твой выслушаешь, а то, что вчерашній вотъ розанчикъ разогрѣвать на конфоркѣ приходится, этого какъ-то никто не замѣчаетъ, или и замѣчаюгъ, да толку-то отъ замѣчаній нѣть; и на

службѣ Воробушкинъ который годъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ: понижать не понижаютъ, но и повышенія не полагается.

Съ начала войны, — какъ взяли Воробушкина сосѣда и пріятеля — прапорщика Прокопова, и квартирная хозяйка зубная докторша Савль, гнавшая всю жизнь прокоповскую лампадку, затеплила ее въ углу, неугасимую — война поглотила все его существо: на службѣ и дома, въ комнатенкѣ своей на Дегтярной, онъ только и держалъ въ памяти то страшное человѣческое, не по человѣческому заваренное дѣло, къ которому ни человѣку, ни звѣрю немыслимо привыкнуть.

Приходило время отпуска, а Павель Герасимовичъ и думать боялся объ отъездѣ, какъ будто съ Дегтярной онъ только и можетъ слѣдить за событиями, поутру передвигая разноцвѣтные флагки по стѣнной источенной картѣ, и не сегодня-завтра выпадѣть ему на долю защищать самое Дегтярную.

Но какъ тамъ, на Бассейной, пожалѣвъ собаку, надъ которой мудровали ошалѣлые отъ жары прохожіе съ дворникомъ во главѣ, позавидовалъ онъ ей, до кости пронятой, такъ и тутъ, въ комнатенкѣ своей подкрышной, прокуренной, не представляя себѣ другой жизни, кромѣ своей зимней съ газетами утренними и вечерними, онъ завидовалъ всѣмъ, отъѣзжавшимъ на волю, хотя бы въ Озерки.

Слышалъ онъ: никогда такъ не цвѣли поля, какъ въ этотъ, помутнѣлый отъ крови и горя, жестокій, роковой годъ, а на Москвѣ такой чу-

десный липовый цвѣтъ, вся Москва цвѣтеть, — всполошились пчелы подмосковныя, не зная, куда и летѣть, и въ Кремль на Ивана Великаго рой сѣлъ.

Кто живалъ по нуждѣ лѣто въ Петербургѣ, тотъ хорошо знаетъ, что за удовольствія вечерами нетемными въ полуопустѣлыхъ каменныхъ домахъ. Окна раскрыты и на весь дворъ граммофонъ и съ сосѣдняго двора граммофонъ и какъ-то такъ безъ всякой отдышки, а тутъ еще какой любитель на скрипкѣ упражняется, либо пѣвецъ поетъ, и тоже, ну, хоть бы разокъ передохнуль. А утихнетъ граммофонъ, оборвется скрипачъ, уймется пѣвецъ, другое пойдетъ ужъ обязательно, — такъ изъ вечера въ вечеръ и куда заполночь! — ужъ кого-то щекочутъ — должно быть, что щекочутъ! — и тотъ ореть, а чуть свѣтъ — молоткомъ по желѣзу, и звенитъ день-деньской на постройкахъ.

Въ ту ночь особенно было шумливо.

Въ большую квартиру съ забѣленными окнами съ вечера набрался народъ: съ дачи ли сами хозяева прїѣхали, либо пріятелей своихъ пустили переночевать — окна, конечно, настежь, и видно, не простой прїѣздъ, добра всякаго спиртного столь уставлень. Спервоначала-то все шло ничего, пили и кричали ура, потомъ на рояли играли, хорошо играли, а ужъ потомъ — совсѣмъ нехорошо! — хоромъ пѣть принялись и, вѣдь, какъ пѣли, — такъ и нарочно не говорившись, такъ врозь.

Воробушкинъ пробовалъ заснуть, и такъ приладится и этакъ, но только что заведеть глаза и вдругъ, словно надъ ухомъ, какъ харкнетъ . . .

Вставалъ Павель Герасимовичъ, закуриваль папироску, заглядывалъ въ окно: и ночь, а теплынь, что днемъ, и тамъ въ третьемъ этажѣ, внизу среди пирующихъ какой-то огромный одинъ волосатый легкости ради обнажился и, неловко продвигаясь среди дамъ, показывалъ пальцемъ — дамы визжали.

Былъ у Воробушкина пріятель — Щелинъ Михаилъ Петровичъ, вмѣстѣ учились, замѣчательный человѣкъ . . .

Впрочемъ, можетъ, это не правда, а только такая шла замѣчательная молва, будто какъ-то лѣтомъ за ужиномъ на сонъ грядущій Щелинъ въ варенцѣ жука проглотилъ, и, сами понимаете, жука имѣя во чревѣ, былъ будто бы по этой самой причинѣ, какъ жукъ, жудливъ вечерами и особенно къ теплой погодѣ.

Объ этомъ-то пріятелѣ, о Щелинѣ жудливомъ, въ душной тоскѣ своей вдругъ вспомниль Павель Герасимовичъ, вспомниль полученное отъ него письмо, и уцѣпился, какъ за свое единственное спасеніе.

И въ безсонный подутренній часъ рѣшилъ про себя: воспользоваться отпускомъ, бросить Дегтярную да въ Качаны къ Щелину.

„Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ мы здѣсь, и такъ хорошо, что и въ войну перестали вѣрить . . .“

Выговаривалось письмо щелинское, заманивая въ Качаны, гдѣ никогда еще такъ не цвѣли поля, какъ въ этомъ году.

И, рѣшившись ѣхать, Воробушкинъ повѣрилъ пріятелю и не только въ цвѣть полевой, но и въ безмятежіе качановскаго житія.

„Нашелся-таки уголокъ, — думалъ Павель Герасимовичъ, — есть мѣсто и среди пожара нашего, гдѣ про войну забыли!“

А потомъ спохватился:

„Да не шутить ли Михаиль-то Петровичъ? Да и въ самомъ дѣлѣ, есть-ли на русской землѣ хоть одинъ человѣкъ, который о войнѣ не помнить, и есть-ли такое мѣсто на землѣ, гдѣ о войнѣ не слышно, развѣ что на кладбищѣ?“

И, отчаявшись въ снѣ, подъ звонъ желѣза, досадовалъ:

„Ишь, куда заманиваетъ!“

Но скоро и передосадовалъ.

Щелинъ, кромѣ того, что жундѣль, то-есть бывъ невообразимо говорливъ, Щелинъ еще и чудилъ.

Вѣдь это онъ построилъ у себя, въ качановскомъ саду, капканъ въ родѣ такой калитки вертящейся — какъ попадешь, а попадешь непремѣнно, потому что ужъ очень у заманчиваго мѣста въ уединеніи воздвигнута была эта самая калитка, и ужъ сколько ни бейся, а безъ посторонней помощи, а стало быть, и огласки, ни по чемъ не выскочишь!

Конечно, чудакъ, и обижаться, досадовать — просто грѣшно.

И, передосадовавъ, на краткій часъ забылся Павель Герасимовичъ.

И снилось ему —

— — сидить онъ съ Щелиными въ Качанахъ — съ Михаиломъ Петровичемъ и Марьей Сергеевной и ъдятъ раковъ: у него двѣ раковыя шейки въ рукахъ, а Щелины рачы ножки сосутъ; и отдалъ онъ свои раковыя шейки по шейкъ каждому — одну Михаилу Петровичу другую Марѣ Сергеевнѣ, и остался у него рыбій хвостъ, и вдругъ пришла прачка и принесла узель съ грязнымъ бѣльемъ обратно.

Съ тѣмъ и проснулся.

На слѣдующій день Воробушкинъ, за день окончательно рѣшившись покинуть свою Дегтярную, взялъ билетъ и сталъ понемногу укладываться.

Еще черезъ день даль телеграмму въ Качаны.

А въ субботу вечеромъ, Господи благослови, пустился въ путь.

Неужто-жъ черезъ какія сутки — и это правда! — попадеть онъ въ такое мѣсто, на такую землю

земли русской, — гдѣ такъ хорошо, что и въ войну
перестали вѣрить?

II

Раннимъ утромъ Воробушкинъ проснулся.
Поѣздъ стоялъ, ревѣли быки.

Осторожно спустившись съ верха, гдѣ безъ подушки — по военному времени подушекъ не полагалось! — проспалъ мирно трясущую ночь, вышелъ онъ на площадку, закуриль и ему самому захотѣлось помычать —

Утро было такое свѣжее, такое ясное и какія-то птички пѣли, а онъ только и умѣлъ, что птичку представлять да мычать.

Конечно, быки мычали, быки ревѣли не отъ удовольствія, не этому утру свѣжему и ясному, — чуяли быки свою скорую смертушку, а помирать кому же хочется, и вотъ вопіали, обреченные, наперекоръ ясному утру: одинъ быкъ начиналъ, а въ его ревъ врывались другіе.

И, когда застучалъ тяжелый бычій поѣздъ и всѣ быки заревѣли разомъ, пошелъ и человѣческій поѣздъ, а долго еще слышался ревъ, словно ура кричали.

Тутъ солнце поднялось надъ лѣскомъ такое яркое, въ глазахъ зарябило, и Воробушкинъ вер-

нулся въ вагонъ и съ бокового порожняго мѣста, чуть пріотворивъ занавѣску — соседи еще мирно почивали, — глядѣль черезъ запыленное окно на пролетавшіе поля и лѣсь, и рѣки, и рѣчки, на просторъ нашъ русскій родимой земли, которую охватилъ пожаръ наперекоръ полевымъ цвѣтамъ, полямъ цвѣтушимъ, какъ никогда еще.

На скучной пересадкѣ, гдѣ приходилось поджидать не одинъ часъ, Воробушкинъ, напившись чаю, слонялся по платформѣ отъ вокзальной кухни — по случаю воскреснаго дня повара что-то вкусное стряпали — и дальше мимо телеграфа съ засматривающими изъ окна телеграфистками, до тесовой, выкрашеной въ желтое, лавочки для воинскихъ чиновъ, гдѣ надъ розовыми пряниками висѣла колбаса и стояли бутылки съ квасомъ.

У жандармской комнаты прямо на запыленной затоптанной травѣ лежала молодая баба съ груднымъ ребенкомъ.

Тутъ же и чайничекъ стоялъ.

Говорили, что солдатка — проводила мужа, очень убивалась и теперь домой поѣдетъ.

На другой сторонѣ путей изъ церковки степенно выходили мѣстныя барышни погулять по платформѣ.

Въ церковкѣ звонили къ Достойно.

А по путямъ взадъ и впередъ ходилъ закопченый паровозъ съ чернымъ закопченымъ машинистомъ; потомъ этотъ черный паровозъ пошелъ ходко —

увели его за водокачку къ мосту; отзвонили въ церкви.

Къ станціі подошелъ товарный поѣздъ.

Три середнихъ вагона раскрыли, и какъ-то сразу, наваломъ, перелѣзая черезъ перегородку, а другіе подлѣзая, высыпали молодые парни — послѣдній наборъ, налегкѣ, больше босикомъ въ пестрыхъ рубахахъ, и, перепрыгивая черезъ рельсы, бросились кто къ лавочкѣ, гдѣ надъ розовыми пряниками висѣла колбаса, кто за кипяткомъ на станцію.

Воробушкинъ стоялъ со старухами, болѣзнѣющими, глазѣя на ребята.

Воробушкинъ вглядывался, сравнивая себя, и ему показалось, что были и такіе ему подъ стать рядомъ съ крѣпышами и рослыми.

Какой-то въ зеленой рубахѣ, пожалуй, всѣхъ крѣпче, игралъ на гармоньѣ и такъ игралъ — заливался, не подымая глазъ съ ладовъ. И въ вагонѣ, за перегородкой въ кучкѣ оставшихся въ вагонѣ, игралъ какой-то. И не въ ладъ играли двѣ гармони, но такъ, задержись поѣздъ на сутки, и такъ же бы играли.

— У, бѣдные! — прошамкала старуха.

Какой-то коричневый, вывернувшись изъ толпы, заложа руку за голову, вытоптывалъ тяжелымъ сапогомъ около гармони и топалъ, и такъ без-

поворотно, топать ему такъ, пока тотъ зеленый не выронить гармоньи.

— У, бѣдные! — качала головой старуха.

Звонка для товарнаго поѣзда не полагалось, безъ звонка по чьей-то окличкѣ бросились парни назадъ въ вагоны, и зеленый гармонистъ, оборвавъ игру, перескочилъ черезъ рельсы, но ужъ безъ гармоньи, — гармонью кто-то отнялъ у него по дорогѣ. И теперь въ вагонахъ другіе играли, было много гармоній, играли безъ ладу, но такъ, какъ на платформѣ зеленый.

Старуха безсловесно качала головою.

А когда пошелъ поѣздъ, изъ закрытыхъ вагоновъ, заглушая гармонью, закричали ура.

Воробушкинъ снялъ шляпу и было жалко ему чего-то — гармониста, у котораго отняли гармонью, или того, что вытоптывалъ сапогомъ у гармоньи —

Съ горькимъ чувствомъ смутнымъ о Россіи, о родинѣ нашей, о родимой землѣ, согнувшись, пошелъ онъ по старой дорожкѣ слоняться отъ кухни до лавочки и обратно.

Изъ кухни чѣмъ-то очень вкусно пахло, повара стряпали, старались для воскресенья.

„Капуста любить сметану, а масла не спрашиваетъ!“

Въ тесовой лавочкѣ, выкрашеной въ желтое,
надъ розовыми пряниками висѣла колбаса —
„по установленнымъ цѣнамъ!“

Женщина съ ребенкомъ лежала на затоптанной
травѣ у жандармской комнаты, какъ лежала.
Тутъ же и чайничекъ стоялъ.

„Проводила, сердешная, мужа!“

Приходилъ часъ обѣда, а поѣздъ опаздывалъ.
Истощалось терпѣніе.

И когда, наконецъ, нагруженный дальними
пассажирами, подошелъ къ станціи поѣздъ, и Воробушинъ, не совсѣмъ-то благополучно протиснувшись, занялъ себѣ мѣстечко, стояль жаркій лѣтній
день и въ вагонахъ, какъ у плиты, пыхало.

Послѣ провѣрки билетовъ, не желая стѣснять
сосѣдей, Воробушинъ перешелъ на площадку.

На площадкѣ рядушкомъ тянулась къ окну
такая востренѣкая съ двумя короткими косками и
красной ленточкой Анюшка Богданова.

Съ Анюшкой Воробушинъ живо подружился,
и всю остальную дорогу до самаго вечера занимала
она его своими рассказами.

Анюшкѣ двѣнадцать годковъ, перешла она
нынче весной въ пятый классъ, умница. А ъдетъ

она отъ отца съ войны, отецъ ея кондукторъ, въ командировкѣ. А ъездила она отца провѣдать, возила ему говядины, да напрасно: у нихъ теперь тамъ этого всего вдоволь! Анюшка самая старшая и за ней еще пятеро, и на рукахъ ея хлопотъ куда полдома! — и матери она помогаетъ, и младшихъ братишекъ няньчить, и за коровой ходить. А встаетъ Аниюшка поутру вмѣстѣ съ солнышкомъ, и оттого личико у нея такое загорѣлое и такая у нея во всемъ озабоченность. А ъедеть теперь Аниюшка въ Москву къ дѣдушкѣ, тоже на желѣзной дорогѣ служить и дѣдушка — живеть дѣдушка въ Сокольникахъ — и хоть впервой Аниюшкѣ на Москвѣ быть, да такая не потеряется — до Сухаревки съ вокзала на восьмомъ номерѣ доѣдетъ, а тамъ спросить, добьется, — сметливая, ловкая дѣвочка. А къ отцу она въ третій разъ на войну ъездить.

Слушая путницу свою щебетунью-умницу, думалъ Воробушкинъ о Россіи, о новой —

„Вотъ она, Россія хозяйственная и заботливая, эта Аниюшка Богданова — Россія хозяйка! Съ годами подвырастетъ, выравняется, всѣмъ обзается, хорошо поведеть свой домъ и такъ не отдастъ добро, расчетливая, и къ себѣ, въ свой домъ, не пустить хозяйствничать, вотъ она, Россія, молодая еще, Россія хозяйственная, — такую не проведешь, надъ такой не напомыкаешься, хоть чѣмъ хочешь будь, хоть самимъ папой римскимъ,

дай только, дай подрастеть, Россія крѣпкая, не-
пришибленная, умница, Анююшка Богданова!"

На войнѣ Аниюшка много чего видѣла и о
многомъ слышала, да ни въ какіе страхи она не
вѣрить и никакихъ слуховъ не боится.

Только боится Аниюшка удушливыхъ тумановъ—
— Аеропланъ, — рассказывала Аниюшка, —
туманы пускаетъ: поднимется высоко-высоко и
пустить, и оттого на пятнадцать верстъ народъ
мреть.

Аниюшка въ школѣ повязки шила, намордники,
батюшка заставлялъ, она знаетъ про удушливые
газы и плѣнныхъ она знаетъ: у нихъ душь двѣsti
живеть, и хорошо живутъ — на работахъ.

— Идутъ съ обѣда, — рассказывала Аниюшка,
— пѣсни поютъ, хорошо какъ поютъ! Бабы спраши-
вали у плѣнныхъ: „А какъ у васъ нашимъ жи-
вется?“ „А хорошо, говорятъ, имъ живется, по-
обѣдаютъ и тоже идутъ, пѣсни поютъ!“

Удушливыхъ тумановъ боялась Аниюшка, а
плѣнныхъ нисколько.

— А мира не будетъ! — вдругъ сказала
Аниюшка и такъ настойчиво это сказала:
„не будетъ.“

Потянулся холодокъ, туча нашла, много ма-
ленькихъ тучекъ теплыхъ — — тамъ гдѣ-то дож-
дикъ пошелъ, и воздухъ такой сталъ легкій.

На послѣдней большой остановкѣ — поѣздъ почтовый — на маленькой станціи было необыкновенно людно.

Отъ дороги, усаженной березками, подходили къ станціи бабы, нарядные по-воскресному, въ бѣлыхъ платкахъ.

Жандармъ прогонялъ бабъ, и онѣ, помалкивая, уходили, но по бѣлымъ платкамъ видно было, какъ упорно собирались опять, только съ другого конца.

И только одну молодую бабу съ тремя ребятишками не погналъ жандармъ, — она ему что-то сказала, показавъ на ребятъ: маленькаго сама на рукахъ держала, другой голопузъ сбоку за юбку цапался, а старшій въ картузѣ впереди стоялъ съ прутикомъ, — ну, жандармъ и смиловался.

И когда тронулся поѣздъ, опять, какъ тамъ, на пересадкѣ, и въ почтовомъ поѣздѣ, только въ самомъ хвостѣ, закричали ура — заколебались бѣлые платки, а старики обнажили головы.

Это новобранцевъ провожаль народъ всѣмъ народомъ.

Воробушкинъ, высунувшись въ окно, долго смотрѣлъ туда, къ дорогѣ съ березками, и долго видѣлись ему бѣлые колеблющіеся платки и сѣдые обнаженные головы.

Это Россія всѣмъ народомъ провожала своихъ меньшихъ сыновъ, и какая скорбь чуялась въ ея молчаніи, и скорбь и покорность.

Не жандармъ, прогонявшій бабъ, — голосить еще примутся! — не прaporщикъ, распоряжавшійся вагономъ — какой-нибудь бывшій банковскій сослуживецъ того же Воробушкина! — не они отнимали отъ родной земли молодую силу, чтобы тамъ, на бранномъ полѣ, совершивъ страшное человѣческое, не по человѣческому заваренное дѣло, кровью своей покрыть землю, шель судъ нечеловѣческій, и оттого въ покорномъ молчаніи среди колеблющихся бѣлыхъ платковъ и сѣдыхъ головъ такая скорбь чуялась.

III

На станції ждали щелинскія лошади.

И хоть Воробушкинъ своевременно телеграммой извѣстилъ пріятеля, точно высчитавъ день и часъ своего пріѣзда, лошадей, какъ оказалось, гоняли на станцію во второй разъ.

— Утромъ баринъ говорить: „Поѣзжай, Филиппъ, можетъ, пріѣхали, кто его знаетъ!“ Я и ъездилъ, — объяснилъ качановскій кучеръ Филиппъ.

Воробушкина въ Качанахъ, какъ видно, ждали.

Только что прошелъ дождикъ, и вечеръ быль такой чудесный, не надышешься, и ъхать было легко по прибитой дождемъ дорогѣ.

Изъ разспросовъ узналъ Воробушкинъ отъ Филиппа, что гостей понаѣхало въ Качаны многое множество:

— Всякій день наѣзжаютъ новые, и весь домъ и флигеля заняты.

Переѣхали рѣчку, а за рѣчкой начался щелинскій лѣсъ.

По позднему вечеру затеплились двѣ звѣздочки, двѣ серебряныя и такія же подневольныя, сестры наши небесныя.

А проѣхавъ лѣсъ, поднялись на горку.

И справа надъ садомъ забѣлѣли двѣ качановскія колокольни.

— Вотъ и дома!

Гостя поджидалъ самъ хозяинъ.

Михаилъ Петровичъ былъ очень доволенъ и привѣтливъ и, не давъ оправиться, потащилъ гостя прямо къ столу.

По столу со всякими приставками съ конца до конца просторной столовой Воробушкинъ убѣдился, что гостей понаѣхало, дѣйствительно, не мало, и ему стало отчего-то грустно, но чай съ дороги разсѣялъ грусть.

Воробушкинъ пилъ чай и разсказывалъ пріятелю о своихъ дорожныхъ встрѣчахъ, о молодой Россіи, которую гонять умирать за родину, и о Россіи молчаливой покорной передъ судомъ Божіимъ, — о Россіи въ бѣлыхъ платкахъ,

и о новой подрастающей хозяйственной Россіи, непришибленной и крѣпкой, — объ Анююшкѣ Богдановой.

— А мы тутъ и въ войну перестали вѣрить!
— перебилъ хозяинъ.

Жукъ ли къ хорошей погодѣ встрепенулся въ щелинскомъ чревѣ, либо разговоры Воробушкина такъ раздразнили, Михаиль Петровичъ, прервавъ гостя, захлебываясь, понесся рассказывать о всякомъ: и о войнѣ, и о пріятностяхъ и безмятежніи качановской жизни.

И, давъ гостю насытиться и чаемъ, и разговоромъ, повелъ въ маленькой домикъ — отъ дома рукой подать черезъ дорогу за флигелями.

И теперь по волѣ тѣ звѣзды и третья съ ними налились серебромъ чистымъ и мерцали въ ночи, серебряныя и такія же подневольныя, сестры наши небесныя.

За флигелями у дороги, весь открытый на солнцепекѣ, стоялъ домикъ, со стороны дороги въ розахъ и жасминѣ.

Тутъ въ этомъ домикѣ и поселится Воробушкинъ и найдетъ полное забвеніе и отдыхъ. А прислуживать ему будетъ пани Марія.

— Пани Марія, бѣженка изъ Калиша! — повторялъ Михаиль Петровичъ, не по-русскому сложенное, коверканное и какое-то для насъ, русскихъ, дурацкое газетное слово — „бѣженка“ —

которымъ обогатила жестокая роковая война нашъ ладный великий русскій языкъ, — бѣженка изъ Калиша!

И эта польская бѣженка, по настойчивому отзыву хозяина, не просто, а съ особой радостью будетъ служить гостю.

— Мы много ей помогали, — пояснилъ Михаилъ Петровичъ, — понимаете, вы понимаете, какъ она будетъ рада хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить. Не стѣсняйтесь, пожалуйста!

Домъ, въ которомъ расположился Воробушкинъ на полное забвеніе и отдыхъ, представлялъ собой одну большую низкую комнату, вдоль раздѣленную на двѣ половины тоненькой, не доходящей до потолка перегородкой, а большая русская печь еще поперекъ дѣлила эти половины, по печкѣ поставлена была другая попечная переборка, и получалось въ домѣ не одна, а цѣлыхъ четыре комнаты, и въ каждой комнатѣ было, какъ въ одной: чаю отхлебнешь — слышно, чихнешь — слышно, почешешься — слышно.

Переднюю половину съ параднымъ крылечкомъ, теплой печкой и ходомъ на балконъ занялъ Воробушкинъ, задняя же половина съ кухней, сѣнями и чуланчикомъ досталась пани Маріи съ ребятами: совсѣмъ маленькимъ и подросткомъ.

Пани Марія жила во всемъ домикѣ и только для Воробушкина перебралась съ ребятишками въ заднюю половину, — и это было такъ понятно и просто: пани Марія въ благодарность за всю ту помошь, какую ей оказали Щелины, конечно, съ радостью должна была потѣсниться для щелинского гостя!

Кровать поставили Воробушкину у печки и, хотя тепло было и даже очень — пани Марія въ этой печкѣ на своей половинѣ кушанье себѣ днемъ стряпала и пекла хлѣбы — спаль Воробушкинъ въ первую ночь, какъ убитый.

И лишь сквозь сонъ слышалъ, какъ ночью жалобно плакалъ ребенокъ, а подъ утро водовозъ привезъ воду — или ужъ самъ качановскій благодатный воздухъ, которымъ съ вечера такъ полно надышался, нагналъ на него въ ту первую ночь крѣпкій сонъ и ни плачъ, ни стукъ ведерный не смущилъ его.

На утро, когда къ нему вошла пани Марія и такая измученная и несчастная, безъ улыбки, съ живою на измученномъ лицѣ скорбью, принялась за уборку, Воробушкину, глядя на нее, даже неловко стало и онъ бросился помогать ей.

И не могъ не замѣтить, что особой радости, о которой вчера ему разсказывалъ хозяинъ, прислушивание это у нея не вызываетъ.

Утренній чай пилъ Воробушкинъ у себя въ домикѣ — послѣ уборки пани Марія поставила самоваръ, что заняло времени довольно: труба

для самовара была прямая, на волѣ — ничего, тянетъ, а въ кухнѣ — не очень способно.

Обѣдалъ Воробушкинъ въ домѣ со всѣми — и вправду, какъ въ стародавнія времена либо нынче, когда не больно разѣздишься, въ любой и самой неустроенной санаторіи, такой былъ съездъ въ Качанахъ, душъ тридцать гостей гостило!

И какъ это у Михаила Петровича при всей его добротѣ душевной и хлѣбосольствѣ терпѣнія хватало — душъ тридцать гостей гостило! — а у Маріи Сергѣевны запасовъ?

Послѣ обѣда Воробушкинъ пилъ чай опять одинъ у себя.

Тутъ онъ еще пристальнѣе разглядѣлъ свою сосѣdku и еще большую почувствовалъ неловкость: не только ни о какой радости не могло быть и рѣчи, онъ ясно видѣлъ, что ухаживаніе за нимъ было ей въ тягость.

Пани Марія, приготовляя къ самовару, задержалась въ его половинѣ и рассказала всѣ свои бѣды —

Пани Марія жила въ Калишѣ, мужъ ея техникъ служилъ на заводѣ. Скопили они деньжонокъ и купили домъ, думали, жить имъ поживать въ ихъ новомъ домѣ, да и дѣтямъ останется. А когда началась война, нѣмцы вошли въ Калишъ,

первымъ попался ихъ домъ, его и сожгли, — домъ ихъ стоялъ около казармъ какъ разъ на углу. Такъ кончилась счастливая, мирная жизнь. Бездомные, уходили они изъ Калиша трижды и трижды возвращались, — надѣялись, придутъ русскіе, отбьютъ у нѣмцевъ! А хоронились они въ погребѣ, и это было самое тяжкое время: мальчикъ кричить, плачеть, вотъ ихъ откроютъ, и ужъ никому не будетъ пощады. Безпощадно расправлялись съ такими въ тѣ дни, и много погибло и дѣтей, и женщинъ. А надрожавшись въ погребѣ, когда стало ясно, что надѣяться не на что, имъ оставалось одно, бездомнымъ, бросить и родную землю и итти, куда глаза глядятъ. Со старшимъ мальчикомъ пошла пани Марія, а младшаго — младшему и семи мѣсяцамъ не было — взяль мужъ на руки. Ее пропустили — ничего, и старшаго мальчика пропустили, а мужа не хотятъ, не пропускаетъ часовой.

— Смотрю, — рассказывала пани Марія, — ужъ цѣлится, а мужъ стоитъ, поднялъ руку и мальчика поднялъ: „Не стрѣляй, моль, или ребенка не пощадишь?“ Ну, видно у того свои были дѣти, вспомнилъ и опустилъ ружье. Такъ и спаслись.

Такъ и спаслись.

И хоть съ пустыми руками, бездомные, а вышли изъ бѣды сами-то цѣлы.

Пани Марія рассказывала горячо, съ изступленной клятвой, поминая Пана Іезуса и Матерь Божію.

И только коснувшись уличныхъ ужасовъ, пожаровъ, убийствъ и насилий всякихъ надъ дѣтьми и взрослыми, надъ старикомъ ксендзомъ, которого волочили по улицамъ, только коснувшись непремѣнныхъ подробностей того страшного человѣческаго, не по человѣческому завареннаго дѣла, войны, передавая случай, какъ на улицѣ убили отца и мать, а бывшую съ ними ихъ дѣвочку, дочь маленькую, оставили, и какъ эта самая дѣвочка, очутившись на мостовой между убитыми, не понимая участіи матери и отца, безпомощная, обращалась къ нимъ, какъ къ живымъ, — папа! мама! — и, не получая отвѣта, теребила рученками то одного, то другого, все повторяя: папа! мама! — голосъ пани Маріи вдругъ зазвучалъ по-дѣтски безпомощно, будто сама она и была этимъ покинутымъ среди убитыхъ на мостовой ребенкомъ, которому ни отецъ, ни мать не отвѣтятъ, и, какъ ни тереби, не помогутъ, и, какъ ни плачь — мама! папа! — не сохранять отъ бѣды.

И она заплакала.

Пани Марія стояла у раскрытой двери въ ту заднюю половину, куда ее загнали ради Воробушкина, и плакала.

И видно было и чуялось въ слезахъ ея горькихъ, что не дѣвочку ту безпомощную такъ жаль ей и не по ней она такъ горько плачетъ, а себя ей жалко, домъ свой новый сгорѣвшій, хозяйство свое, добро нажитое, свою покинутую разграбленную землю, свое сиротство на нашей русской земль...

И зачѣмъ они домъ купили? положить бы имъ скопленныя деньги въ банкъ, цѣлы были бы, и теперь на чужой землѣ съ такими деньгами не пришлось бы просить, и ее никто не потѣшилъ бы, она нашла бы себѣ свой уголъ и тутъ, вдали отъ родной земли!

Не скоро успокоилась — пани Марія все пла-
кала — а когда высохли слезы, ужъ не такъ, не
тѣмъ голосомъ, только жалобно.

Рассказывала она Воробушкину, какъ Щелины
нашли ее въ Москвѣ и поселили у себя въ Кача-
нахъ, пріютили въ этомъ самомъ домикѣ —
старшаго мальчика обѣщалъ Михаилъ Петровичъ
устроить съ осени въ городское училище, мужу
на станції мѣсто выхлопоталъ, тамъ и живетъ онъ
на мѣстѣ —

И какъ не оставляютъ ея: Марья Сергѣевна
даетъ ей муку, молоко и картофель —

— Мужъ получаетъ на станції маленькое жа-
лованье и безъ поддержки съ ребятами никакъ
невозможно!

И какъ Марья Сергѣевна выходила зимой ея
младшаго мальчика —

— Простуженный, безъ ея помощи не выжилъ
бы мальчикъ!

И какъ за все это она благодарна Щелинымъ:
и Михаилу Петровичу и Марьѣ Сергѣевнѣ.

Самоваръ погасъ за разговорами, пришлось
раздувать заново и долго еще дожидаться запозда-
лого послѣобѣденнаго чаю.

Ужиналь Воробушкинъ въ домѣ со всѣми. Послѣ ужина жукъ во чревѣ щелиномъ былъ особенно игривъ и проказливъ, и обычно Михаилъ Петровичъ, поймавъ какого-нибудь неискушенного гостя, отправлялся на прогулку, занимая гостя своимъ неистощимымъ разговоромъ жуку въ угоду. Если же спутника не случалось, остервенѣлый, ходиль онъ съ высунутымъ языкомъ, который у него за отсутствіемъ собесѣдника просто болтался: жукъ начиналь играть во чревѣ, слова лѣзли на языкъ, а говорить не съ кѣмъ, и оттого языкъ болтался.

Воробушкинъ, само собой, попалъ въ спутники къ Михаилу Петровичу и, улучивъ минуту, разспросилъ о пани Маріи, и разсказанное ею все подтвердилось.

— Она рада чѣмъ-нибуль отблагодарить насть и съ радостью вамъ будетъ прислуживать. Не стѣсняйтесь, пожалуйста! — повторялъ Михаиль Петровичъ.

Послѣ прогулки ждали чая на сонъ грядущій.

Изъ щелинскихъ гостей, проводившихъ въ Качанахъ свои дни въ полномъ забвениі и отдыхѣ, оказалось не мало замѣчательныхъ стратеговъ: начитавшись газетъ и принимая всякіе, въ большинствѣ здорные, а подчасъ и корыстные, слухи за истинную правду, ловко обсуждали ходъ военныхъ дѣйствій и предсказывали события.

Въ этотъ вечеръ всѣхъ занимало московское извѣстіе о пчелиномъ роѣ, сѣвшемъ въ Кремль на Ивана Великаго:

что все сіе значитъ?

А старая тетушка въ большомъ возрастѣ съ сѣдыми позеленѣвшими завитками, прислушиваясь къ разговорамъ, все недоумѣвала.

— Да почему же, — удивлялась она, — не соберутся державы и не перестрѣляютъ всѣхъ нѣмцевъ?

IV

Съ каждымъ днемъ Воробушкинъ убѣждался, что не только какого забвенія, но и самаго простого отдыха, о которомъ такъ много толковаль и сулилъ ему въ Качанахъ Михаилъ Петровичъ, не было и быть не могло.

Пани Марію, въ этомъ онъ окончательно убѣдился, тяготило прислуживание — и самовары, и уборка.

Пани Марія за перегородкой у себя такъ вздыхала, словно вся душа у ней обрывалась.

Какой ужъ тутъ отдыхъ, какое забвеніе!

Ночью плохо спалось — очень было душно и жарко отъ печки, и особенно въ тѣ и безъ того жаркіе дни, когда пани Марія пекла хлѣбы, а мальчикъ, котораго выходила Марья Сергѣевна, не очень-то здоровый, по ночамъ кричалъ и плакалъ.

Справится Воробушкінъ съ горячей печкой, кое-какъ приладится, кажется, забудеть всякую печку, и вдругъ проснется: ребенокъ кричить!

Пани Марія утѣшаеть, а онъ все кричить — можетъ, поѣль чего, можетъ, и ему жарко, а можетъ, растеть. И пани Марія, переговоривъ всѣ ласковыя слова, которыхъ такъ много знать польскій языкъ, начинаетъ ужъ съ мальчикомъ какъ со взрослымъ, начинаетъ укорять его, не говорящаго еще и самыхъ простыхъ словъ, пеняетъ ему, что покоя съ нимъ нѣть, совсѣмъ измучилъ, что и такъ она несчастная, загнанная она на чужой землѣ, а еще и онъ ее разстраиваетъ.

А ребенокъ все кричить и кричить.

И тогда ужъ безъ словъ, безъ укора раздаются сухіе шлепки, а въ отвѣтъ такой подымается крикъ, отъ которого въ ушахъ звенитъ, — куда звонъ желѣза на стройкахъ! — и падаетъ сердце.

Успокоится мальчикъ — всему есть пора: и слезамъ, и крику, такому дѣтскому крику, о которомъ не выскажешь, дѣтскому! Затихнетъ мальчикъ, и пани Марія успокоится, приладится и Воробушкінъ, кажется, забудеть всякий крикъ, и вотъ, словно и минуты не пройдетъ, опять проснется: водовозъ пріѣхалъ, воду привезъ — стучать ведрами, лить воду.

Послѣ такой ночи, когда входила пани Марія, такая вся несчастная, у Воробушкина языкъ не повертывался о чѣмъ-нибудь попросить, онъ старался дѣлать все, что возможно, самъ, и если за-

говаривалъ, а ужъ, значитъ, надо было заговорить по необходимости, пани Марія, вся измученная, смотрѣла на него не только непривѣтливо, но даже и враждебно —

Да и какъ ей по-другому смотрѣть — вѣдь всю-то ночь... повозись-ка ночь съ ребенкомъ, а тутъ еще самовары, да и не привыкла она, она никогда не прислуживала и прислугой не собиралась быть!

И, прибравъ кое-какъ комнату, пани Марія за перегородкой у себя такъ вздыхала, словно вся душа у нея обрывалась.

По близости случился пожаръ.

Пожаръ увидала пани Марія и сказала Воробушкину.

А какъ она вся, какъ листъ, дрожала и въ глазахъ ея горѣло — это горѣль домъ ея тамъ, на землѣ покинутой, ея земля горѣла и все то счастье и миръ, котораго она съ мужемъ добилась, ея счастье горѣло!

Воробушкинъ бѣгалъ смотрѣть на пожаръ: къ пожару всегда тянеть.

Пожаръ былъ неподступный — горѣль льняной заводъ съ керосиномъ и нефтью, и по вѣтру огненные стружки отъ стройки, какъ огненные птицы, летѣли. Но не въ этомъ, не въ пожарѣ

было грозно и страшно, а страшно было, когда побѣжалъ народъ всѣмъ народомъ тушить пожаръ, — заводъ принадлежалъ крестьянамъ, товариществу.

И надолго осталось въ памяти, какъ тащили огромные черные багры.

„А что если поджогъ?“ — подумалось тогда.

И увидѣлъ онъ въ глазахъ бѣжившаго народа тотъ же самый вопросъ.

И было грозно и страшно.

Глаза искали:—кто поджогъ?—гдѣ поджигатель?

И онъ видѣлъ Россію — пожаръ, и бѣжитъ народъ и, какъ послѣднее, тащать эти огромные черные багры не тушить пожаръ неподступный, такого такъ не затушишь — воля Божья! — а бѣжитъ народъ расправляться съ тѣми, съ тѣмъ, на кого скажетъ, не крикнетъ, а только скажеть тотъ вонъ рыжій всклокоченный мужикъ, прибѣжавшій за много верстъ изъ дальней деревни.

Михаилъ Петровичъ съ ногъ сбился, онъ и самъ тушилъ, а больше распоряжался. Слава Богу, заводомъ и кончилось, а то долго-ль до бѣды — при такомъ вѣтрѣ да всѣ Качаны какъ слизнуло-бѣ!

Въ домъ разговоръ на время перешелъ только къ пожару: надо было какъ-нибудь восстановить добро, а кромѣ того, дѣлились свѣжими впечатлѣніями.

Михаилъ Петровичъ собралъ крестьянъ и съ ними всякое толковалъ. И жукъ въ щелиномъ чревѣ затаился, какъ и вовсе не было. А черезъ день все было рѣшено и подписано: въ городъ посланы прошенія о ссудахъ и льготахъ и положено начало новой стройкѣ.

И опять все пошло по-старому.

Тутъ только замѣтилъ Михаилъ Петровичъ перемѣну въ гостѣ: Воробушкинъ прїѣхалъ куда веселѣе, а за эти нѣсколько дней совсѣмъ захудаль и бродилъ скучный.

Послѣ ужина, прогулявшись на пожарище, куда по привычкѣ стали ходить вмѣсто прогулки, Михаилъ Петровичъ зашелъ въ домикъ къ пріятелю.

— Да не стѣсняйтесь ли васъ пани Марія? — спросилъ Михаилъ Петровичъ.

Воробушкинъ признался.

Воробушкинъ признался: да, ему не совсѣмъ ловко просить ее прислуживать!

И только.

Всего же, о чёмъ передумалъ онъ за эти нѣсколько дней въ свои безсонные ночи и готовился сказать, не сказалъ и не могъ.

Ну, какъ это скажешь?

По добротѣ душевной и хлѣбосольству Михаилъ Петровичъ напригласилъ къ себѣ гостей

полонъ домъ... зачѣмъ же было заманивать еще и Воробушкина, когда мѣста нѣть, да еще и судить ему полное забвеніе и отдыkhъ?

Воробушкина помѣстили въ домикѣ къ пани Маріи за перегородку и въ сущности въ одной комнатѣ съ пани Маріей... а этого никакъ нельзя было дѣлать ни для него, ни для нея, — для нихъ обоихъ.

Это вѣрно — бываетъ такъ, что человѣкъ, которому оказана услуга, съ радостью въ благодарность за услугу готовъ чѣмъ-нибудь отслужить. Михаилъ Петровичъ судя главнымъ образомъ по себѣ, нисколько не ошибался, предполагая, что и пани Марія рада будетъ отблагодарить и его, и Марью Сергеевну.

Пани Марія и вправду рада была отблагодарить Щелиныхъ!

И въ одномъ Михаилъ Петровичъ ошибся: онъ совсѣмъ не подумалъ, какъ и чѣмъ можетъ и хотѣла бы ихъ отблагодарить пани Марія.

Михаилъ Петровичъ вмѣсто того, чтобы — какъ это полагалось бы по правдѣ! — оказавъ человѣку услугу, особенно зорко слѣдить за поступками своими по отношенію къ этому обязанному человѣку и нечаянно какъ не напомнить ему объ услугѣ и тѣмъ самыемъ не вызвать у него тягостнаго чувства должника, которому во что-бы то ни-стало надо расквитываться съ благодѣтелемъ, Михаилъ Петровичъ безъ всякой осторожности,

нисколько не подумавъ о пани Маріи, а вспомнивъ лишь свою оказанную ей услугу, выбралъ такое дѣло, которое ему самому предоставляло удобства, и это дѣло въ сущности навязалъ исполнить пани Маріи за оказанную ей услугу.

Михаилу Петровичъ надо было дѣвать куданибудь гостя, пріятеля своего, а мѣста въ домѣ не было, и вотъ хороший случай для пани Маріи: пани Марія потѣснится, пустить къ себѣ въ домикъ щелинского гостя и будетъ прислуживать ему.

Мало того, что не подумавъ о пани Маріи, Михаилъ Петровичъ навязалъ ей дѣло, лишь себѣ удобное, а и увѣрился, будто и для пани Маріи это дѣло удобное, а потому, конечно, съ радостью будетъ она исполнять его.

Пани Марія никогда не забывала оказанного ей Щелиными доброго дѣла и рада была отблагодарить Щелиныхъ. И возможно, она была бы рада ухаживать и все дѣлать для Марии Сергеевны, даже въ сѣни съ ребятами перебраться для Марии Сергеевны, но прислуживать щелинскому гостю она совсѣмъ была не рада. И если на предложеніе Михаила Петровича помѣстить у себя въ домикѣ Воробушкина и прислуживать Воробушкіну дала-таки согласіе и потѣснилась и кое-какъ прислуживаетъ, ставить самовары и полъ моетъ, то единственно и только по нуждѣ своей, по бѣдѣ своей, отъ несчастья своего. И какъ же ей было отказать Щелинымъ, которые сдѣлали ей доброе

дѣло, пріютили ее и поддерживаютъ и безъ кото-
рыхъ ей съ ребятами хоть по міру иди!

Ну, какъ это скажешь?

И сказать всего этого Воробушкинъ не могъ потому, что пріятель, заманивъ его въ Качаны, какъ разъ именно ради него, Воробушкина, и поступилъ такъ.

И упрекать Михаила Петровича совсѣмъ не годилось, хоть и поступилъ онъ совсѣмъ необдуманно, поставивъ въ самое дурацкое положеніе прежде всего его же самого, которому обѣщалъ забвеніе и отдыхъ, и огорчивъ и безъ того огорченную, несчастную пани Марію.

А кромѣ того, зная хорошо Михаила Петровича, было не безопасно признаваться ему во всемъ по правдѣ: сгоряча Михаиль Петровичъ можетъ, Богъ знаетъ, чего натворить — вѣдь Михаиль Петровичъ никакъ не могъ понять, какъ это такъ пани Марія, обязанная всѣмъ ему и Марьѣ Сергѣевнѣ, не рада ихъ отблагодарить прислуживаніемъ Воробушкину! Михаиль Петровичъ могъ сказать что-нибудь очень обидное пани Маріи и, наконецъ, вгорячахъ же просто пригрозить выгнать ее изъ домика.

— Да, мнѣ не совсѣмъ ловко просить ее прислуживать! — повторилъ Воробушкинъ.

И вотъ отъ несказанныхъ ли признаній, смутно проникшихъ въ душу, или отъ собственной догадки

о той правдѣ, которую скрылъ Воробушкинъ, не желая упрекать пріятеля, и которую не допускалъ Михаилъ Петровичъ, Михаилъ Петровичъ вдругъ словно ощетинился.

— Я знаю, какъ васъ избавить отъ этой пани Маріи! Завтра же вамъ будетъ прислуживать кучерова дѣвочка Тая...

И, не дожидаясь отвѣта, Михаилъ Петровичъ прошелъ на половину пани Маріи — пани Марія во дворикѣ сидѣла съ ребятишками — и вернулся съ самоваромъ и трубой.

— А чайникъ у васъ есть?

Воробушкинъ оглядељъ столикъ — темно ужъ было, на столикѣ, на подносѣ стоялъ одинъ стаканъ.

— Нѣть, нѣту! — сказалъ Воробушкинъ упавшимъ голосомъ, самъ не зная, чему испугавшись.

Михаилъ Петровичъ опять вышелъ и что-то долго шарилъ тамъ по полкамъ и наконецъ-то вернулся.

— Вотъ вамъ и чайникъ!

И, наложивъ крючокъ на дверь къ пани Маріи, подергалъ: крѣпко-ль?

И также рѣшительно вышелъ онъ изъ домика черезъ балконную дверь.

И скоро вернулся и не одинъ, а съ Таей, кучеровой дѣвочкой, очень похожей на Анююшку Богданову, въ красненькомъ платьице: она поутру постучитъ въ балконную дверь, разбудить Воробушкина, будетъ носить ему воду, прибирать комнату и ставить самоваръ.

Тая побѣжала за углями. Михаилъ Петровичъ присѣлъ къ столу.

Какой-то онъ сталъ грустный такой.

— А этотъ чайникъ не пани Маріи? — робко спросилъ Воробушкинъ: ему показалось, словно бы раньше, всѣ эти дни, онъ пилъ не изъ такого.

Михаилъ Петровичъ отвѣтилъ:

— Я далъ, я могу и назадъ взять. Никакого чайника у пани Маріи не было!

V

Ночью прошелъ дождь.

Какъ спится подъ дождь сладко!

Воробушкинъ долго ворочался.

И снилось ему что-то запутанное —

— — тащили его куда-то, и онъ тащилъ кого-то, потомъ очутился онъ въ какой-то комнатѣ, а въ соседней комнатѣ лампа горитъ и очень отъ нея жарко, и вдругъ всѣ встали и ушли, и видить онъ, одинъ остался Михаилъ Петровичъ, голый Михаилъ Петровичъ моетъ полъ подъ лампой и у него рыбий хвостъ, и опять потащили, а Тая — Анюшка Богданова — въ красненькомъ платьице стучить

въ балконную дверь, а онъ и слышитъ, а встать не можетъ —

— — — — — — — —

— Чайничекъ забрали!

Услышаль онъ ясно и съ болью открылъ глаза.

Еще чуть только свѣтъ, и тихо за окномъ.

— Чайничекъ забрали! — повторила пани Марія.

Старшій мальчикъ что-то со сна ей отвѣтиль ворчливо.

И послышался одинъ долгій вздохъ, какъ только вздыхала пани Марія.

Воробушкінъ лежалъ съ открытыми глазами, сна ужъ не было.

Чайничекъ забрали! — повторялось за перегородкой.

Пани Марія жаловалась на обиду, какъ ее обидѣли.

У нея домъ сожгли, загнали ее на чужую землю и теперь съ несчастной все, что угодно, могутъ сдѣлать.

— Чайничекъ забрали!

Жаловалась пани Марія, словно въ этой послѣдней обидѣ, въ этомъ чайничкѣ, собралась

вся ея обида, бѣда, все ея горе, она нашла имя бѣдѣ своей, назвала ее по имени и повторяла, обращаясь къ Богу.

Воробушкинъ лежалъ съ открытыми глазами, проникнутый этой душу надрывающей жалобой, и почему-то вспомнилась ему та молодая баба съ ребенкомъ, проводившая мужа, та баба, которая лежала въ пыли у жандармской комнаты на затоптанной травѣ.

И голосъ пани Маріи слился съ ея голосомъ.

Пріѣхалъ водовозъ.

Водовозъ долго громыхалъ ведрами.

Пани Марія и ему рассказала о своей обидѣ и ужъ съ какою-то радостью заключила словомъ, въ которомъ собралась для нея вся обида, бѣда, все ея горе:

— Чайничекъ забрали!

А на вопросъ водовоза, куда наливать воду и гдѣ ведра, одно отвѣчала, потерянная въ своей обидѣ, какъ тотъ въ бѣдѣ, у кого впереди — одна бѣда.

— Ничего не знаю! Ничего не знаю!

Да и такъ, откуда ей знать:

дверь на половину Воробушкина на крючкѣ, и ей нельзя пройти.

— Чайничекъ забрали! — опять съ какою-то радостью заключила она словомъ, въ которомъ собралась для нея вся обида, бѣда, все ея горе.

За водовозомъ постучала въ балконную дверь
Тая.

Тая постучала куда раньше, чѣмъ ей полагалось, но теперь Воробушкину все равно: раньше или позже.

Туть ужъ и Тая не поможетъ!

Тая вынесла самоваръ на балконъ. А оставленные на балконѣ угли за ночь отсырѣли. Побѣжала за углами.

И дай Богъ черезъ, часъ самоваръ поспѣть!

Воробушкинъ заглянулъ въ окно къ черному ходу: тамъ на крылечкѣ сидѣлъ старшій мальчикъ и въ стаканѣ разминалъ чаинки —

Жалко ему стало.

И зачѣмъ это онъ вчера затѣялъ разговоръ съ Михаиломъ Петровичемъ? Ну, взять бы ему тихо, смирно и уѣхать изъ Качановъ, и никто бы не жаловался. Ну остался бы хозяинъ недоволенъ, конечно, посердился бы на него, но это совсѣмъ не то, совсѣмъ не то!

Пани Марія за перегородкой вздохнула, какъ вздыхала только пани Марія.

И опять начала она къ Богу свою жалобу о бѣдѣ и обидѣ, и о горѣ своемъ.

— Чайничекъ забрали!

Самоваръ поспѣль. Ловко и проворно внесла его Тая.

Воробушкинъ заварилъ чай и ходилъ около стола, гдѣ стоялъ чайникъ.

И такой маленькой представлялся онъ ему огромнымъ чугуномъ, пышущимъ, жаркимъ, какъ та приснившаяся жаркая лампа, заполнившимъ со-бою всю комнату — и не приступиши! — чай-ничекъ заполнилъ всю его половину, весь домъ.

Часъ и другой претерпѣлъ Воробушкинъ, со-биная свои вещи и укладываясь, чтобы немедляѣхать домой, въ Петербургъ на Дегтярную.

Чайничекъ заполнивъ весь домъ, заполняль щелинскіе Качаны съ домомъ, флигелями, полемъ и лѣсомъ, вездѣ онъ одинъ былъ и маленькой, а такой непомѣрный, такой пышущій, жаркій, какъ та жаркая лампа, подъ которой Михаилъ Петро-вичъ голый съ рыбьимъ хвостомъ полъ мылъ, и ничего другого не оставалось, какъ бѣжать.

„Оттолкнусь, какъ шестомъ отъ берега и забуду!“ — Воробушкинъ хватался за единственную спасительную мысль свою — бѣжать безъ оглядки или отпрянуть, какъ деликатно выражались побѣдоносно настроенные стратеги, когда заходила рѣчъ о нашемъ отступлѣніи, а по-просту бѣгствѣ.

Михаилъ Петровичъ на заявленіе гостя. обѣ отъѣздѣ остался очень недоволенъ.

Какъ же это такъ, развѣ не нашелъ Воробушкинъ въ Качанахъ отдыхъ? Или недоволенъ, что много гостей? Но вѣдь кто же этого не знаетъ, что среди лѣта въ деревнѣ всегда много гостей!

И притомъ же онъ достаточно ясно предупреждалъ его въ письмѣ, говоря русскимъ языкомъ, что „постарается устроить покойно и удобно“, не сказалъ, что „устроитъ“, а „постарается устроить“!

— Я же вамъ писалъ, что у насъ все занято — и домъ, и флигеля! — Михаилъ Петровичъ, сердился, города небывалое.

Воробушкинъ не возражалъ, Воробушкинъ старался какъ-нибудь оправдаться, ссыпался на всякия тревоги, которыя его одолѣваютъ, и что безъ Дегтярной онъ не можетъ.

Но выходило не очень-то убѣдительно: Воробушкину никто не вѣрилъ, и онъ видѣлъ въ глазахъ одно осужденіе.

— Просто привередничаетъ! — говорили брезгливо.

— Конечно привередничаетъ! Какой чудесный, уютный домикъ, какія подъ окнами розы цвѣтутъ и жасминъ!

— А если съ пани Маріей не поладилъ, — находились-таки догадливые, — стоитъ ли на это обращать вниманіе!

А щелинскій кучеръ Филиппъ ужъ прилаживался на облучкѣ — по невеселому, по сѣрому деньку, весело, чтобы везти барина по прибитой дождемъ дорогѣ назадъ на станцію.

СЕСТРА УСЕРДНАЯ

Всякій день по утру, когда вы проѣзжаете на трамваѣ по Суворовскому, вамъ встрѣчаются колесницы съ бѣлымъ серебрянымъ балдахиномъ и съ электрическими фонарями, а за колесницей кучка провожатыхъ и двѣ-три кареты. То же самое вы встрѣтите и на Загородномъ и на 17-й линіи Васильевского острова. Все это покойники настоящіе, именные: кого на Охту, кого на Волково, кого на Смоленское д о м о й несутъ, и ужъ навѣрно на ихъ могилахъ поставлять памятникъ.

Но попадаются вамъ и другіе, и такихъ тоже немало: єдетъ возница, на дорогахъ — желтый досчатый гробъ; возница єдетъ быстрѣе, чѣмъ тянутся тѣ съ электрическими фонарями, и за гробомъ никого не видно, никто не идетъ.

Мнѣ всякий разъ хочется остановить возницу, — такой въ картузѣ съ усами сѣрый, — пріоткрыть крышку, заглянуть въ гробъ: да кого же, кого это везутъ, какъ кладь, и вѣдь былъ же, несчастный, именинникъ, и хоть одна душа, хоть разъ въ году, кто-нибудь приходилъ же къ нему

въ гости на именины, пили чай? или и въ жизни такъ было — ни души!

Заглянуть среди бѣла дня на людяхъ, — гдѣ тамъ заглянешь! — не полагается и не позволяеть. Но и такъ дознался, и я расскажу вамъ про одного такого человѣка.

Вамъ случалось встрѣчать сѣренъкихъ и незамѣтныхъ, постоянно хлопочущихъ барышень, какихъ-нибудь служащихъ въ конторахъ и кассахъ, учительницъ городскихъ и домашнихъ, вамъ случалось заговаривать съ ними такъ, не по дѣлу, — вспомните, васъ не поражала одна странность, а можетъ, и вызывала улыбку, — эта неожиданная мечта ихъ о самыхъ невообразимыхъ путешествіяхъ: непремѣнноѣхать куда-нибудь за тридевять земель — въ Африку, въ Австралію, въ Индію.

Татьяна Спиридоновна Свѣтлакова, учительница городской школы, мечтала о Индіи.

Почему о Индіи?

Потому ли, что Индія — чудесная, одно слово — Индія? Сама Татьяна Спиридоновна ничего не могла отвѣтить и лишь одно —ѣхать ей въ Индію, вотъ и все.

И однажды, послѣ экзаменовъ, распустивъ ребятишекъ, она взяла и поѣхала.

И благополучно добралась до Ташкента и дальше до какой-то конечной станціи, — путь сухопутный представлялся ей и самымъ прямымъ, а главное самымъ дешевымъ, — но тѣмъ и кончилось путешествіе:

съ караваномъ, отправлявшимся въ горы, какъ ни просила, ее не взяли, да и денегъ у нея, по правдѣ сказать, не было, какая ужъ Индія!

Объ этомъ путешествіи своеемъ индійскомъ стыдливо, — Татьяна Спиридовонна всегда чего-то немного стыдилась, — рассказывала она со всякими и печальными и веселыми подробностями.

И какъ на конечной станціи у порога въ Индію, желая добыть себѣ денегъ на обратный путь, предлагала она уроки, въ которыхъ, къ горю ея, не оказалось нуждающихся, — будь портнихой, умѣй сшить платье по-питерскому, другое бы дѣло! — и какъ сарты, что ли, тамъ въ чалмахъ страшные, любопытства ради, за руки ее трогали, и какъ, наконецъ, даль ей денегъ начальникъ станціи, добрый человѣкъ, и въ четвертомъ классѣ, — прощай Индія! — поѣхала она домой.

Кромѣ мечты о Индіи, въ родѣ какъ осуществленной, — говорили же и не въ шутку, что Татьяна Спиридовонна въ Индіюѣздила, да и са-

ма она съ этимъ потихоньку свыклась, — была у нея и другая, столь же завѣтная мечта и совсѣмъ несбыточная, мечта о Швейцаріи. Швейцарію представляла себѣ Татьяна Спиридововна чуть что не самымъ раемъ земнымъ, гдѣ не только сама природа — рѣки медвяные, берега кисельные, горы сахарные, а и люди — не наши и не здѣшніе, свои — настоящіе люди и жить тамъ — все равно, что въ рай попасть !

И однажды, въ началѣ лѣта, прослушавъ о экскурсіи въ Швейцарію медичекъ, Татьяна Спиридововна собрала свои вещи — старенькой чёмоданишко, съ которымъ обыкновенно перебиралась изъ комнаты въ комнату, — и, недолго думая, поѣхала на вокзалъ и тамъ благополучно въ вагонъ влѣзла и на полку чёмоданишко этотъ свой помѣстила.

Но тѣмъ дѣло и кончилось : замѣтили незнакомую, поднялся крикъ и, какъ ни просила, — одно мѣсто свободнымъ оказалось ! — не пустили, выпроводили вонъ. Одинъ былъ такой случай, и не выгорѣло, такъ въ Швейцарію и не попала.

Татьяна Спиридововна ъѣздила въ Индію... мечтала о Швейцаріи, а ужъ по Россіи гдѣ-гдѣ не бывала !

Побывала она и на холерѣ, и на чумѣ, и на тифѣ, и на голодѣ, и еще на какой-то тамъ напастіи нашей — безъ которой лѣто не въ лѣто и

годъ не годъ — и такъ, кочуя отъ бѣды къ бѣдѣ, по Волгѣ проѣхала, пробралась на Кавказъ.

И если не суждено ей было туманный Монъ-Бланъ увидѣть, она увидѣла пустынныи, такой весь бѣлый Эльбрусъ.

А вы знаете, что это значитъ, послѣ холеры, чумы, тифа и голода, послѣ тѣхъ напастей нашихъ — безъ которыхъ лѣто не въ лѣто и годъ не въ годъ — въ горячій солнечный день вдругъ ясно увидѣть бѣлый Эльбрусъ!

По себѣ скажу, есть въ мірѣ такое... цвѣты такие полевые, горы такія бѣлые неподступныя, недостижимыя, слова, слово и звѣзды, звуки какъ звѣзды, и наши желанія, и наши дѣла, отъ которыхъ, будь два камня — на груди камень и камень за плечами, а на одну минуту станетъ совсѣмъ тихо, и въ этой тиши мгновенной и самое ожесточенное сердце благословить міръ и жизнь земную.

Объ этомъ путешествіи кавказскомъ стыдливо — Татьяна Спиридовна всегда чего-то немногого стыдилась, — рассказывала она со всякими подробностями.

И какъ ее по дорогѣ лермонтовскіе чеченцы, что ли, тамъ черные съ кинжалами сладкимъ виноградомъ угощали, и какъ она Эльбрусъ увидѣла.

И оттого ли, что Эльбрусъ такой недоступный и суровый, пустынныи, а она такая маленькая и незамѣтная и ужъ какая тамъ суровая, бѣ-

лый Эльбрусъ повторялся въ ея рассказахъ, какъ припѣвъ, какъ „Господи помилуй“.

Мечтая о путешествіяхъ самыхъ невообразимыхъ и недоступныхъ Татьяна Спиридовна мечтала, какъ она сдѣлается докторомъ.

Послѣ дневныхъ занятій въ школѣ бѣгала она по всякимъ лекціямъ и одно время поступила въ Психоневрологический институтъ и съ годъ вечерами занималась тамъ науками, сдала часть анатоміи, но тутъ ее вычеркнули.

Ну, откуда же заплатить ей за лекціи? Ее и вычеркнули. Такъ она въ своей комнатенкѣ, гдѣ-то на Преображенской, и осталась, да съ нею тетка ея, хворая старуха.

Татьяна Спиридовна ъздила въ Индію, на Эльбрусъ лазила, много чего видѣла, да и простуды всякия — и прострѣль, и ревматизмъ и еще что-то донимающее — не отпускали: въ кофточкѣ-то лѣтней въ слякоть нашу и по морозцу попробуй побѣгай! — а такъ ничего все такая же.

И откуда только у ней силы брались?

Вездѣ поспѣть и все устроить. И ужъ если надо чего, какъ кротъ, подземными ходами пройдетъ, а добьется, — будешь доволенъ.

Татьяна Спиридовна птичьего молока достать могла.

II

Вамъ случалось встрѣтить въ театрахъ и концертахъ среди нарядной публики такихъ какихъ-то переходящихъ съ мѣста на мѣсто, такихъ чего-то встревоженныхъ, пугливо озирающихся, то толкущихъ въ проходахъ и у входа, то сидящихъ въ самыхъ первыхъ рядахъ и съ необыкновенной готовностью уступающихъ вамъ мѣсто, если даже мѣсто и не ваше, а вы только по ошибкѣ собрались усѣсться, напередъ знаю, вы-то ничего дурного не подумали о этихъ людяхъ, это — зайды.

Эти зайцы бываютъ двухъ родовъ: платные зайцы, которыхъ безъ билетапускаетъ капельдинеръ, получая себѣ мзду заячью, и бесплатные, которымъ удается перехватить у какого-нибудь незнакомаго счастливца, уже вошедшаго, входной билетъ, — вещь головоломная!

Татьяна Спиридововна проникала въ театры и концерты зайцемъ и притомъ бесплатнымъ.

Да и какъ иначе могла она попасть, ну, на Шаляпина, или посмотреть и послушать, чего добьешься лишь за большія деньги!

Жизнь ея была какая...

А вѣдь, ей тоже хотѣлось того праздничнаго чувства, какое бываетъ въ театрахъ и концертахъ.

Товарка Татьяны Спиридововны, учительница Грачева, признавала, какъ сама она выражалась, свободную любовь: сойтись и такъ безъ особаго чувства, лишь развлеченья ради, ей ничего не стоило.

Что же? — сегодня знакомъ, а завтра прощай! — такъ проходила жизнь, и, пожалуй, не надо и театра.

Коридорная горничная Аннушка въ комнатахъ на Невскомъ, гдѣ жила одно время Татьяна Спиридововна, скромная и услужливая, не могла и представить себѣ, какъ бы она такъ жила безъ кавалера, а смынялись они у нея чуть-что не всякий праздникъ.

И у Грачевой и у Аннушки такая жизнь проходила и легко и просто: себѣ въ развлечениѣ, другимъ не въ помѣху.

Жизнь, вѣдь, ихъ тоже была какая...

Другое дѣло Татьяна Спиридововна: и тѣ, кто ее зналъ, и сама она о такомъ и подумать не могла, и не потому, чтобы уродомъ была, нѣть, дѣло не въ этомъ, Татьяна Спиридововна совсѣмъ была другая, у ней душа была другая, и такъ, развлечениї ради, съ ея-то думой, такъ она ничего не могла дѣлать.

И еще скажу, я скажу вамъ самую тайную тайну ея и единственную: Татьяна Спиридововна была влюблена и влюбилась она на всю жизнь.

А никакого сочувствія ей не было. Она про это знала. И надѣяться ей не на что было. У него была своя жизнь.

Случалось, что годами она его не видѣла, но всякое утро, когда бѣжала въ школу и вечерами на лекціи, къ сердцу ея приливало то чувство — знаете, это похоже, какъ въ пасмурный лѣтній

день, когда вся душа раскрывается! — и сердце
ея раскрывалось: вѣдь, только бы встрѣтить!

А самое большее удовольствие было для нея,
когда говорили о немъ.

Оттого ли, что она такъ любила покорно и
кротко — безнадежно, или такой ужъ зародится
человѣкъ на свѣтѣ — всѣ мы по разному непо-
хожіе приходимъ на землю! — душа ея была
раскрыта къ той бѣдѣ нашей первородной, мимо
которой проходятъ столько глазъ, ничего не видя.

Когда случалось большое горе, я видѣлъ,
какъ она приходила въ тотъ домъ, къ тому че-
ловѣку, у которого было горе, она не спрашивала
— не всегда надо спрашивать! — она сидѣла
около молча, потомъ начинала плакать и отъ ея
молчаливыхъ слезъ становилось легче.

Есть такіе, которымъ въ горѣ не надо словъ
или надо бы слово, но о которомъ кто знаетъ! —
и вотъ молчаніе и слезы достигали того незна-
емаго вѣрнаго слова.

Посидитъ, поплачетъ... смотришь, тотъ ужъ
и заговорилъ, а заговорилъ, это ужъ съ полгоря,
скоро и улыбнется.

Этимъ молчаніемъ своего раскрытаго сердца
и терпѣливыми слезами много она разсѣивала
горя. Но сама-то, съ несогрѣтымъ сердцемъ, въ
своей бѣдѣ, въ чемъ находила она утѣшеніе?

Татьяна Спиридовна въ Бога не вѣровала.

Въ дѣтствѣ считалась она богомольной, ее никто не заставлялъ, это такъ у нея самой выходило: все, бывало, молится. И вотъ одинъ пустой случай перевернуль все. Какъ-то въ школѣ задала ей учительница переписать тетрадку, а тетрадь была грязнущая. Другіе уроки она всѣ выучила, и только къ тетрадкѣ не притронулась, — что-то помѣшало ей, — время и прошло, не успѣть ужъ. На ночь положила она тетрадку подъ подушку и долго Богу молилась, просила о тетрадкѣ, просила — вѣрила: встанеть поутру, чистая будетъ тетрадка. И легла, и спокойно заснула, а на утро чуть глаза раскрыла и первымъ дѣломъ подъ подушку, а тамъ тетрадка: какъ положила, — грязнущая! Никому обѣ этомъ она не сказала, только стали замѣчать, не такая ужъ она богомольная, какъ раньше: другой разъ безъ молитвы спать ляжетъ и обѣдню прогуляетъ, а тутъ лѣтомъ купалась, крестъ потеряла, да такъ безъ креста и осталась.

— Татьяна Спиридовна, неужели вы не вѣрюете въ Бога?

Стыдливо, какъ всегда чего-то немного стыдясь, Татьяна Спиридовна качала головою.

Она все исполняла, что ей полагалось: она водила ребятишекъ ко всенощной и къ обѣднѣ, на

Рождествѣ устраивала елку и, какъ ребятишки, радовалась елкѣ — Рождеству; на Великомъ посту говѣла и причащалась и, какъ ребятишки, чего-то боялась, когда за батюшкой повторяла — „Вѣрую, Господи и исповѣду“ — и ужъ тоненько, совсѣмъ по-дѣтскому, словно и вправду была сущимъ разбойникомъ, выговаривала — „но яко разбойника пріими мя!“ — и, причастившись, на Страстяхъ стояла со свѣчкой, похорошѣвшая отъ огонька, и съ замеревшимъ сердцемъ, какъ ребятишки, ждала въ Пасхальную ночь, когда, обойдя вокругъ церкви, запоютъ Христосъ воскресъ!

— Такъ во что же вы вѣруете, Татьяна Спиридововна?

Стараясь что-то сказать, что такъ не скажешь, Татьяна Спиридововна улыбалась, потомъ глаза ея будто останавливались —

И было похоже:

такъ въ полѣ цвѣты цвѣтутъ, не скажутъ и не попросятъ, цвѣтутъ, красуютъ міръ — или звѣзды, когда ихъ много, тихо звеняще въ ночи, живыя, какъ слезы.

III

Вы помните, какъ въ началѣ войны всѣ наши городскія барышни и дамы, кому не лѣнь, записались въ сестры милосердія и на краткій часъ у всѣхъ была одна добрая мысль и одно желаніе.

Записалась въ сестры и учительница Грачева и не долго ждала, счастливо попала въ первый отправлявшійся отрядъ со цвѣтами и шоколадомъ.

Татьяны Спиридовны не было въ Петербургѣ.

Изъ какихъ-то индійскихъ путешествій возвращалась она по загроможденнымъ мобилизацией дорогамъ, съ какого-то пожара, который, какъ первая грозная вѣсть, жегъ въ то лѣто Россію.

А когда вернулась, въ краснокрестныхъ Общинахъ все было занято, и для простыхъ всякой приемъ кончился.

Оставались Попечительства.

И всю осень вмѣсто лекцій вечерами бѣгала Татьяна Спиридовна по всякимъ угламъ и коморкамъ, гдѣ безголовая тянула бѣднота и разореніе свою осиротѣлую жизнь, — у кого былъ мужъ, у кого былъ отецъ, у кого былъ братъ, у кого былъ сынъ на войнѣ.

Много ей было хлопотъ и все-таки умудрилась, поступила еще на какие-то краткіе курсы и для практики дежурила ночи въ Обуховской больнице.

И одна была мысль:

ѣхать ей, какъ товарка ея Грачева счастливая, на самую войну.

Кончивъ курсы, она обѣгала всяkie Союзы, отъ которыхъ зависѣла отправка сестеръ на войну, приставала чуть ли не ко всякому уполномочен-

ному, доходила до самыхъ главныхъ генераловъ, просила и молила.

И вездѣ ей отказывали:

не было у нея никакой руки и бумаги отъ Общины не было, а докторское свидѣтельство было сомнительно.

Самое большее сводилось къ обѣщаніямъ, ее записывали въ кандидатки, сулили извѣстить, но тѣмъ дѣло и кончалось.

А и вправду, какъ такую пустишь — и въ чемъ душа и такое сердце . . .

Такъ и не добилась.

И тутъ, какъ это часто бываетъ, люди и самые благожелательные, не подумали . . .

Они были съ несомнѣнностью увѣрены, что самое страшное на войнѣ пушки, удушливые газы и кровь, и думали, что такое сердце порочное не выдержитъ этого страха, а главное крови, а не додумались, хоть обѣ этомъ и говорилось тысячу разъ, что есть большій страхъ, чѣмъ всѣ эти пушки, удушливые газы и даже сама кровь, и этотъ страхъ страшный — та неправда, по которой живутъ люди, та ложь, которая стравляетъ людей другъ съ другомъ, тотъ обманъ, который опустошаетъ живыя души и, главное, та безсознательность, про которую не знаютъ ни звѣри, ни

птицы, ни цветы, ни звезды, и которую не вынесетъ такое сердце... порочное.

Татьяна Спиридовна поступила въ лазаретъ волонтеркой.

Днемъ въ школѣ, послѣ обѣда въ лазаретъ — такъ день за днемъ.

Думала: вотъ увидятъ, какъ она все дѣлаетъ, убѣдятся въ ея пригодности и на войну пустятъ.

Война смынила у нея и Индію и Швейцарію.

Татьяна Спиридовна не притворялась — она никогда не притворялась, — она и въ лазаретъ была той же самой, какой всѣ мы ее знали, и раненые ее полюбили, свою сестру усердную.

Это они ее такъ называли сестрой усердной.

Она говорила съ ними, какъ съ людьми, которыхъ постигло несчастье, какъ тамъ на голодѣ, чумѣ, тифѣ, холерѣ и на другихъ напастяхъ нашихъ — безъ которыхъ лѣто не въ лѣто и годъ не въ годъ — она называла ихъ по имени, обращалась съ ними и строго, и ласково, какъ въ школѣ съ ребятами.

И ей вѣрили и исповѣдывались ей, ея чистому сердцу, каялись въ тѣхъ грѣхахъ своихъ, совершенныхъ тамъ, на этой войнѣ, гдѣ, по слову простого же русскаго человѣка, нѣтъ ни совѣсти и Бога нѣтъ.

По веснѣ померла тетка-старуха.

Похоронила ее Татьяна Спиридовна, на сырой могилкѣ крестъ поставила, упокоила старую, измытарившуюся въ жизни, въ хвори старуху.

А на похоронахъ сама простудилась.

Все перемогала — и въ школу, и въ лазаретъ ходила:

и ребята жалко оставить, и тамъ безъ нея плохо будетъ, привыкли къ ней.

Но, видно свой чередъ не переступишь. А, вѣдь, раньше-то какъ хворала, и ничего, а тутъ свалилась —

И больше не поднялась.

И вотъ безбожная и безкрестная, проснулась она однажды не на Преображенской, а въ тѣ-свѣтномъ днѣ —

душа человѣческая,
сестра усердная, чтобы и тамъ, гдѣ нѣть печали и нѣть воздыханія, быть среди страждущихъ и мечтать о чудѣ, о раѣ, о правдѣ.

И неужто душа ея въ тьму сокроется и сердце ея погаснетъ?

Или и безкрестная, съ истиннымъ крестомъ
въ сердцѣ, тамъ расцвѣтеть она сердцемъ, — какъ
цвѣты полевые, какъ звѣзды небесныя, радовать
необрадованныхъ и утѣшать безутѣшныхъ.

БОЖІЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Выпала намъ счастливая доля побывать по-слѣдней мирной весной во славномъ городѣ Римѣ.

Спутники намъ попались добрые, оба молодые, нескучные и неискушенные, м о л о д ы е — мужъ съ женой.

Самъ Иванъ Николаевичъ — металлургъ-химикъ, полсвѣта на автомобилѣ объѣхалъ, а живетъ Иванъ Николаевичъ на Большой Охтѣ, какъ разъ у перевоза, машины всякия придумываются, да развлечения ради охотой промышляется, русскій человѣкъ, настоящій, слова не сочинить, а загнеть другой разъ такое, безъ сказа-примѣчанія мало кому изъ нынѣшнихъ грамотеевъ понятно, прямо съ жаровой кочки либо съ вешнихъ западинокъ изъ-подъ талаго снѣга.

По пути они помѣстились въ купѣ съ нами и съ первого же взгляда очень намъ полюбились, такъ вмѣстѣ до Рима и доѣхали. И тамъ вмѣстѣ исходили все седмихолміе. У Шишкова, бывшаго сибирскаго атамана, есть такой разсказъ о тунгусахъ, какъ два тунгуса попали изъ тайги въ городъ.

„Тутъ тебъ, братъ, не тайга, живо заблудишись!“ — и давай черезъ заборъ махать.

Я всегда вспоминаю этихъ несчастныхъ тунгусовъ, когда случается впервые очутиться въ городѣ не-русскомъ.

И не будь въ рукахъ плана, ей-Богу, пожалуй тоже не миновать и мнѣ забора.

А съ планомъ я всюду, какъ слѣпецъ съ поводыремъ: выйдешь утревкомъ и пойдешь тихонько и всегда-то обязательно не въ ту сторону хватишь, загнешь порядочнаго крюку, да спохватишься, и ужъ будетъ! — больше ни почемъ не собьешься.

Такъ и въ славномъ первомъ городѣ Римѣ съ первыхъ-то шаговъ я ожегся и ужъ потомъ смѣло, какъ у себя дома, въ нашемъ родномъ Третьемъ Римѣ, водилъ я моихъ спутниковъ, самъ для нихъ, какъ планъ, поводырь мой.

И всего разъ попробовалъ Иванъ Николаевичъ на свой страхъ одинъ пуститься, и не очень-то вышло.

А задумаль Иванъ Николаевичъ въ баню сходить, взяль въ узелокъ бѣльца себѣ — чистую перемѣну; рассказалъ я ему путь, какъ до бани ихъ первыхъ римскихъ добраться, а онъ съ перепуту, вмѣсто бани, да и попади въ звѣринецъ.

И тамъ, на диковинъ всякихъ глазѣя, часть-то человѣчій положенный пропустилъ, склынули посѣтители по домамъ изъ звѣринца, звѣринецъ — на запоръ, а звѣрей, слоновъ всякихъ, на прогулку,

ну, кого травку пощипать, кого такъ побѣситься, — ихъ, вѣдь, брату въ клѣткахъ очень скучно! — тотъ рычить, другой пищить, третій хвостомъ сучить.

И что же вы думаете, едва черезъ заборъ улепетнуль, да слава Богу, что только страхомъ отдѣлался, а то долго ли до грѣха, — и не въ осужденіе звѣрю говорю, — почемъ они Ивана Николаевича знаютъ? — попало въ пасть, не скажется, и готово!

II

Все пѣшкомъ ходили.

Какъ-то лучше по старой натруженной землѣ, по обитымъ камнямъ пѣшкомъ ходить: больше трудится, больше и видится.

Поклонились апостоламъ Петру и Павлу. Пробовалъ я считать, сколько и у какихъ мощей лампадъ неугасимыхъ, но точно не помню: у Петра что-то очень много, до сотни, у Павла поменьше.

Были у Иоанна Предтечи на Латеранѣ: хранился тамъ столъ, на которомъ апостолъ Петъ обѣднюю служилъ. Заходили въ часовню, тутъ же сбоку отъ собора часовня, тамъ мраморная лѣстница, по которой лѣстницѣ Іисуса Христа вели къ Пилату: на колѣняхъ по ней всходить и на каждой ступенькѣ молитву Господню творять.

Обошли мы всѣ святыни, полазили по катакомбамъ, накупили себѣ крестиковъ и пошли глазѣть по капищамъ ихъ и святилищамъ древнимъ и всѣхъ идоловъ пересмотрѣли, и царей, и мудрецовъ, и философовъ, и такъ — мужей римскихъ.

Ужъ съ высунутыми языками, а не пропустили мы ни одного музея, ни одного хранилища, и, какъ прошлись по вѣкамъ до самаго до нынѣшняго, порастясли уны-лиры (тамъ куда носъ ни сунешь, давай уну-лиру!), да и отъ лепетуры и скульптуры, вотъ гдѣ стало! — стали просто ходить, куда взглянется.

Выпадеть часть, пойдешь среди дня на Форумъ, сядешь гдѣ на приступочкѣ —

Forum Romanum!

И до слезъ станетъ.

Я все камушки собираль, и со священной дороги, по которой въ Колизей мучениковъ водили, голышокъ-камушекъ въ карманъ себѣ спряталь, теперь у меня этотъ камушекъ на бѣлой полкѣ хранится у завѣтнаго ростовскаго креста.

III

Очень хотѣлось намъ то самое мѣсто на форумѣ разыскать, гдѣ Симонъ Волхвъ, препира-

ясь съ Петромъ передъ царемъ Тиверіемъ, поднялся съ помощью демоновъ на воздухъ и, по молитвѣ Петра, сверзился —

и разстѣдеся на мелкія части.

По старымъ книгамъ мнѣ не случалось указаний находить, а спрашивали старишку, — старишечка при входѣ въ сторожкѣ билеты продаетъ, — не понимаетъ.

Ну, долго мы бились и такъ по всякимъ догадкамъ нашли-таки уголокъ и поплевали на нечистое мѣсто.

Тутъ Иванъ Николаевичъ изловчился и хотѣлъ меня снять на нечистомъ мѣстѣ, да я присѣль во-время, такъ ничего и не вышло.

Возвращались какъ-то по старой Аппіевої дорогѣ...

Говорилъ мнѣ одинъ человѣкъ, спутникъ мой неизмѣнныи, что на этой дорогѣ и всякое горе забудешь.

И вѣрно: оттого ли, что подъ памятниками много желаній въ землѣ покоятся вмѣстѣ съ людьми, на тотъ свѣтъ ушедшиими, либо ужъ такое мѣсто, благословенное, такъ бы и шель и ни о чёмъ не думалъ до самыхъ горъ Албанскихъ.

Да, эти самыя горы Албанскія... впервые въ выговорѣ одного римскаго простеца намъ прозвучали не то какія-то мунтеръ-бани, не то амбary, и когда послѣ разспросовъ, догадокъ и всякихъ на умъ навожденій мы сообразили, нако-

нецъ, что это такое за мунтерь-бани, и такъ намъ стало весело и сроду еще не смѣялись такъ, ой, на всю-то дорогу, весело!

Шли мы по старой Аппіевой дорогѣ —

Теплый колосокъ пшеничный бережемъ на память!

Идемъ мимо мраморныхъ гробницъ и сѣраго камня, а округъ поле и въ полѣ маки и какія-то пичужки пересвистываются.

Зашли по пути къ Севастьяну-мученику, постояли немного, — въ церкви прохладно. Выходимъ, — ужъ думали, либо къ царю Карракаллѣ въ Красныя Термы, либо прямо на Испанскую площадь въ Греческую кофейню, гдѣ Гоголь любилъ сиживать, — и видимъ, откуда ни возьмись монашекъ: стоитъ монашекъ, на насъ улыбается и пречудной такой, на крокодиленка похожъ.

Иванъ Николаевичъ за аппаратъ, а монашеночъ, не тутъ-то, — прячется и самъ рукой что-то показываетъ — пантомиму разыгрываетъ.

И немало мы съ нимъ возились: и ужъ какой проворный, совсѣмъ наставимъ, — хвать и увильнуль, а самъ такъ пугливо смотрить и все улыбается, ну, вылитый крокодиленокъ, шкурка коричневая.

Что будешь дѣлать, силой невозможно.

И провѣщался вдругъ монашенокъ:

— Намъ, — говорить, — не годится, старшіе тутъ, а я самъ — служка.

Ну, мы страшно обрадовались. Слово-заслово, и разговорились. Разсказали ему, гдѣ были,

что видѣли и какая это дорога старая Аппіева — не находишься по ней, не нагуляешься! — и про мунтеръ-бани рассказали, и какъ намъ было весело и какъ мы смѣялись.

Колосъ ему съ поля, еще теплый, подержать дали.

— Бережемъ на память!

— А у Алексѣя Божья человѣка были?

— Какъ у Алексѣя?

— Да какъ же, на холмѣ Авентинскомъ тамъ его и моши.

Тутъ я только и вспомнилъ.

„Вотъ, — думаю, — дуракъ-то! Симона Волхва искалъ нечистое мѣсто, да еще, Богъ знаетъ, можетъ, не туда и плевали, а къ нашему Алексѣю Божьему человѣку и не удосужился... забылъ!“

Монашенокъ на минуту зашелъ за уголъ церкви, видимъ, съ какимъ-то тоже служкой пошептался и бѣжитъ назадъ.

— Какъ же, въ тысяча двѣсти шестнадцатомъ году нашли его могилу на холмѣ Авентинскомъ! Пойдемте, я васъ проведу.

Поблагодарили мы монашка и за нимъ — —

IV

Вель насъ монашекъ какими-то закоулками и переулками — въ моемъ планѣ не обозначено —

мимо вала, мимо насыпи, мимо каменныхъ стѣнъ, мимо прохладныхъ садовъ и все рассказывалъ и про царя Онорія, и про папу Иннокентія, во времена которого царя и которого папы жилъ на землѣ Алексѣй Божій человѣкъ, у своего родителя Евреміана римлянина.

Иванъ Николаевичъ что-то недовѣрчиво прислушивался: слыхалъ онъ отъ слѣпцовъ, будто почивають моши въ Іерусалимѣ.

— Въ Іерусалимѣ въ церкви Матери-Богородицы, а несли ихъ изъ Рима три дня и три ночи.

Но монашенокъ зналъ все доподлинно.

— Въ Римѣ, въ соборной церкви у Нифантія чудотворца!

И спорить съ нимъ все равно по-пусту.

Ужъ дневная теплынь перемѣнилась въ вечеръ, и легка намъ была дорога.

Тутъ на полпути въ родѣ чудеснаго было намъ знаменія: пали намъ подъ ноги, неизвѣстно откуда, двѣ зеленыя вѣточки.

И всѣхъ больше вѣточкамъ нашъ монашекъ обрадовался: ужъ такъ радъ былъ, что и сказать невозможно.

А я скажу, только виду не показалъ, другои-
то служка по верху по горѣ шель, да эти вѣточки
на дорогу и кинулъ.

Такъ съ чудесными вѣточками и дошли мы
до соборной церкви Нифантия чудотворца, до
Алексія Божья человѣка.

Все думали свѣчку поставить, да за позднимъ
временемъ въ церковь ужъ не пускали.

Ну, походили мы около, во дворъ вошли . . .

Вотъ тутъ стояли каменные палаты съ частыми
переходами, жиль въ палатахъ князь Евтимьяній
съ княгиней своей Аглавидою, а вотъ подклѣть,
куда повели послѣ вѣнца Алексія и царевну
Катерину, dochь царя Никанора, и вотъ изъ этихъ
воротъ ушелъ Алексій въ ту ночь во второмъ
часу отъ молодой обрученной жены. А на лѣвой
рукѣ отъ каменныхъ палатъ теплая поварня, а
тамъ вонъ помойная яма и у помойки — келья:
тридцать и три года жилъ Алексій въ этой кельѣ
около отца, около матери, жены любимой, никѣмъ
не узнанъ.

И эта земля, по которой ходилъ онъ, и эта
земля по которой онъ вышелъ на вольное терпѣніе
— въ страдъ Господень.

Стали мы на колѣни.

И вспоминаю я . . . Намъ простымъ, немудре-
ніемъ ничего-то не было открыто, и какая кровава-

вая бѣда шла на весь міръ и какое страдное терпѣніе насть ожидаетъ.

Стали мы на колѣни, въ землю поклонились — за всю русскую землю, за весь міръ.

ПЕРЧАТКИ

По случаю войны законъ Божій отмѣнили . . .

— Теперь война, уроковъ закона Божьяго не бываетъ: батюшка больше не ходить!

Такъ отвѣтила Тоня, когда Анна Семеновна, мать Тони, ей замѣчаніе сдѣлала, почему законъ Божій не учить, и книжка по полу валяется.

Родители Тони держали мастерскую: дѣлали они искусственныя ноги и руки.

Отецъ, занятый своей мастерской, за недосугомъ мало обращалъ вниманія, Анна же Семеновна слѣдила за дѣвочкой и, какъ женщина набожная, немало было смущена неподобнымъ отвѣтомъ, но возразить ничего не могла, какъ не возражала со-сѣду лавочнику, который за все бралъ втридорога, ссылаясь на военное время.

По случаю войны законъ Божій отмѣнили !

Живая и понятливая, черненькая, любила Тоня погулять, для чего и пускалась на всякія выдум-

ки. Лѣтомъ нынче ей исполнилось десять, и второй годъ, какъ училась она въ городской школѣ, и шла хорошо, — понятливая.

Какъ-то въ морозы, о которыхъ у питерцевъ надолго останется самая баснословная память, Тоня прибѣжала домой такая оживленная, веселая и въ новенькихъ теплыхъ перчаткахъ.

— Откуда это у тебя, Тонечка?

— На Разѣзжей нашла!

И весь вечеръ Тоня ничего не дѣлала, — примѣряла перчатки.

Анна Семеновна повѣрила: рѣдко, конечно, а бываетъ, — находить и деньги, и золото. Вонъ тотъ же сосьдъ лавочникъ Ряхинъ, какъ-то будучи по дѣламъ въ Пензѣ, на базарной площади ночью большущій ящикъ нашелъ и съ документами, едва до дому дотащилъ!

Дѣла въ мастерской шли прекрасно, заказовъ прибывало и хорошо платили, словомъ, во всемъ была удача.

И съ войной Пугавкины вздохнули, — или говоря по другому, — все то, что въ обычное время вызываетъ гадливость и ужась — шпіонство, калѣченье, убийство и разореніе — стало для нихъ благодѣяніемъ. И Анна Семеновна благодарила Бога.

А какъ разъ въ ту же пору, какъ разъ въ морозы пропали перчатки у Тониной подруги Сони.

Пришла Соня въ училище въ перчаткахъ, а какъ уходить домой, хватилась, нѣтъ нигдѣ перчатокъ.

И за это дома досталось Сонѣ.

Соня жила съ матерью, отца не было, мать напульсники и набрюшники вязала, этимъ и жили, и хоть съ войной заработка былъ больше, да все на провизію уходило.

По теперешнему времени, знаете, бѣдному люду хоть волкомъ вой, и этого никогда не поймутъ имущіе и за непонятливость свою — придеть срокъ! — горько попеняютъ на себя.

Сонина мать этихъ самыхъ проклятыхъ перчатокъ, — вѣдь, новенькая, сама вязала! — никакъ не могла забыть Сонѣ.

Прошли морозы и не такъ уже надобились перчатки — у ребятишекъ кровка живая, — не мы, — безъ лѣдья, холода они не очень боятся, самъ Холодъ Холодовичъ ихъ бѣготни боится! — и съ голыми руками проходила бы до весны Соня, а какъ она обрадовалась, когда случайно увидѣла свои перчатки.

— Это мои! Мои! — отъ радости кричала Соня и тормошила Тоню.

— И не твои, а мои! — отбивалась Тоня.

И какъ ни увѣряла Соня, что перчатки ея, не Тонины, Тоня стояла на своемъ.

Ни увѣрить, ни доказать Соня не могла, да и невозможнo: мало ли перчатокъ одинаковыхъ, не на одну руку вяжутся, а на тысячи, и фасонъ одинъ!

Дома рассказала Соня матери.

Ну, мать узнаеть, та не ошибется, еще бы: своя работа!

На другой же день, захвативъ съ собой всякихъ напульсниковъ, связанныхъ изъ той же самой шерсти и такими же рядами, какъ и перчатки, отправилась Сонина мать въ училище.

Тамъ, въ раздѣвальной, вытащила она у Тони изъ кармана перчатки, сличила — онъ самыя! — и съ доказательствомъ въ рукахъ прямо къ учительницѣ.

Учительница велѣла прежде всего перчатки положить на мѣсто. И вызвала къ себѣ Тоню.

— У тебя есть перчатки?

— Есть.

Тоня вдругъ покраснѣла.

— Гдѣ ты ихъ взяла?

— Нашла на Разъѣзжей.

И сколько учительница ни уговаривала Тоню, сколько ни убѣждала во всемъ сознаться, Тоня одно твердила:

- Нашла на Разъѣзжей.
- Не сознаешься, я скажу твоей матери!

Тоня молчала.

— Я скажу передъ всѣмъ классомъ, что ты украла!

И Тоня созналась, — только такая угроза и послѣдняя подѣйствовала.

Тоня созналась: она взяла перчатки у Сони.

- Зачѣмъ же ты взяла?
- Понравились.

Перчатки были отобраны у Тони и переданы Сонѣ.

Грустная пошла домой Тоня: нѣтъ у нея больше любимыхъ перчатокъ!

А вскорѣ послѣ судилища учительница вызвала къ себѣ Анну Семеновну и ей все рассказала о Тонѣ, какъ взяла Тоня чужія перчатки, и что за дѣвочкой надо присматривать.

Анна Семеновна не хотѣла вѣрить —
— Вѣдь у Тони свои есть хорошія и еще однѣ есть, и незачѣмъ ей было у другихъ братъ!

Потомъ повѣрила.

Учительница она ничего не сказала, и отцу не сказала, и Тоню не попрекнула.

Она вспомнила, что ей еще въ началѣ осени говорила Тоня о законѣ-то Божьемъ, и, какъ женщина набожная, все поняла и покорилась.

ТАТЬ И ПАУТИНА

Шелъ я оть Спаса Колтовского съ тѣсныхъ Колтовскихъ, напоминающихъ Парижъ —

Думалъ по дорогѣ себѣ хлѣба купить, да куда ни сунусь въ булочную, нипочемъ не проткнешься: и часъ былъ такой, да еще и суббота, а нынче проучены и про запасъ беруть.

Шелъ я съ пустыми руками —

Очень снѣжно было и скользко, и когда вышелъ на Каменноостровскій, совсѣмъ уморился.

Уморились и ребятишки, — тащились ребятишки, какъ загнанные коньки, вразсыпную, плечомъ ранецъ поддергивали: видно, не ближній конецъ и еще до дому — языкъ высунешь.

У остановки трамвая противъ аптеки перебѣжали они съ тротуара къ трамваю, но, сколько ни тянули свои тоненькия руки, трамвай биткомъ набитый ушелъ.

А, должно быть, по пути имъ не мало было такихъ остановокъ и все вотъ такъ, — нынче, вѣдь, и большому-то, не всякий воткнется.

Тащились ребятишки куда-то въ Новую Деревню, поддергивали плечомъ ранецъ.

И я за ними.

А тутъ, какъ Силинъ мостъ перешли, за Карповкой вижу сразу перемѣна: словно бы по уговору бросились они съ тротуара.

Неужто опять къ остановкѣ?

Порожнемъ, стоя на саняхъ, шагомъ ъхаль ломовой, покручиваль возжами.

— Подвези, подвези! — кричали ребятишки.

И самый изъ всѣхъ маленький впереди всѣхъ ужъ пригнулся, протягивая къ санямъ тоненькую руку —

Я слѣдилъ: гадаль за нихъ.

„Подвезетъ? Нѣть, конечно, нѣть, хуже: вотъ возьметъ, да возжей... да какъ возжей хлестнетъ!“

И отъ одной мысли мнѣ стало жарко.

Такъ и есть: назадъ — какъ попало — ужъ бѣгутъ! — тотъ, самый маленький, сзади весь въ снѣгу.

Въ Новую Деревню поѣхалъ ломовой, — попутчикъ.

Ну, чтобы подсадить, не велика кладь; да вы посмотрите, едва плетутся, и лица нѣть, а у другихъ и не отъ мороза горитъ лицо!

Не дошли до Песочной — на Песочной остановка трамвая — и опять перемѣна.

— Подвези, подвези! — сорвались ребятишки, бѣгутъ за коляской.

Коляска-ландо: пожилая дама съ дѣвочкой, а у лакея медали.

„Или не подвезеть? — гадаю, — нѣтъ, мѣста въ коляскѣ довольно: усядутся.“

— Подвези, подвези! — кричали ребятишки.

Дама что-то говорить лакею. Кучеръ остановилъ лошадей.

И какъ тамъ, у трамвая, потянулись къ коляскѣ тоненькия руки —

И я остановился.

И опять мнѣ стало жарко —

Ну, слава Богу!

А какъ они были рады, и дѣвочка въ коляскѣ смѣется...

Нѣтъ, не такъ, все это не такъ было.

Ломовикъ на этотъ разъ вовсе не хлестнуль ребятишекъ, онъ только погрозилъ и погналъ лошадь, а дама въ коляскѣ, какъ ни просили, приказала лакею подогнать лошадей, и кучеръ пріостановился, и вотъ погналъ, какъ ломовикъ.

Скучные и запаренные плелись ребятишки, — тоненькия руки, какъ плетки.

Въ Іоанновскомъ монастырѣ московскимъ звономъ ударили къ вечернѣ.

И я вспомнилъ про Іоанна Кронштадтскаго, потому ли, что звонили съ его могилы, потому ли, что ребятишекъ онъ очень любиль, и глаза его, какъ у дѣтей, свѣтили, — я вспомнилъ, что изъ дѣтства на всю мою жизнь осталось, его молитву:

„Пресвятая Богородица, спаси нась!“

Какая необыкновенная сила и настойчивость вѣры: онъ не просить, не молить, а какъ требуетъ: вѣдь, если и Она не услышитъ, никто не услышитъ —

Я иду въ часъ гулянья по Каменноостровскому —

Изъ головы не выходитъ кѣмъ-то когда-то сказанное не о нась, не о нашихъ судныхъ дняхъ и такое отчаянное.

Громыхаетъ, свиститъ, шарахаетъ, а я слышу и въ автомобиляхъ, и въ грузовикахъ, и въ трамваѣ, и въ дешевой ухарской музыкѣ съ катка одно:

— тать и паутина! —

Я иду по одной сторонѣ и не смѣю перейти отъ автомобилей, грузовиковъ, трамвая. Смотрю — какія! какія лица!

А въ ушахъ визжитъ:

— тать и паутина! —

И мнѣ представляется и такъ отчетливо вся эта суполока — суматошная жизнь насыщенаго

кровью Петрограда, громыхающего оть Лопухинскихъ воздушныхъ мачть, завывающей Искровки до голубыхъ минаретовъ и Троицкаго пожарища. И всѣмъ существомъ я чую законъ этой правдошной, безъ сказокъ и сочиненій, человѣческой жизни.

Такъ вотъ оно, вотъ эта несчастная капля человѣчества, высокомѣрно отгораживающагося оть звѣря, — звѣре съ человѣческими громкими псевдонимами — крестными именами!

Я спрашиваю:

— Какое же отличіе этихъ человѣковъ оть звѣрей?

— Да одна отлика, — отвѣчаетъ кто-то тихонько, ко всему претерпѣвшайся, — они всѣ небритые, а люди, самъ видишь!

И вижу, какъ сквозь сонъ, — или мнѣ снилось когда-то!

Есть въ мірѣ среди звѣрей звѣри, достигнувшіе человѣка, — какая жуть! какая жуть, какое проклятие человѣку во звѣряхъ среди братьевъ звѣрей и сестеръ звѣрицъ и звѣрного брата летающаго, и книжнаго разумнаго человѣчества!

— тать и паутина! —

— тать и паутина! —

Громыхаетъ, свистить, шарахаетъ.

А что же потомъ? Лопухъ? — — ?

Послушайте, не въ лоно же Авраамово, покоище душъ, пойдетъ душа, осмердившая и не себя только, а вотъ это все —

Или представьте человѣческій крестный псев-
донимъ и съ нимъ самое откровенное и самое
страшное въ мірѣ глухое безсовѣстье рядомъ, ну,
съ тѣмъ же Василіемъ Блаженнымъ, перемучив-
шимся совѣстью, вольно принявшимъ всѣ униженія
міра отъ своей совѣстливости.

— тать и паутина! —

Въ Іоанновскомъ монастырѣ отзывались къ
вечернѣ.

Я перешель на ту сторону и повернуль на
толкучій Большой проспектъ.

Иду, всѣмъ сторонюсь, — все равно.

И вижу, впереди какой-то и съ нимъ дѣвочка,
за руку ее ведеть.

И сталъ я всматриваться, и что-то знакомое
показалось мнѣ.

Одѣть онъ былъ плоховато, сгорбленный, и
еще горбился, кашляя, а кашляль такъ, привычно,
— хроническій бронхитъ, подумалъ я. Но гдѣ
же это я видѣль его?

И все припоминаю и не могу вспомнить. Слу-
жить онъ? — Или грѣхъ какой вышелъ, вѣдь, такихъ
уличить дѣло очень простое. А можетъ, и ничего
не было, мало ли, и безъ такого на улицѣ очу-
тишься...

Одно скажу: когда бѣдность задавить, сколько тебѣ соблазновъ, и не понять никогда имущимъ и только они одни не простятъ никогда.

А куда онъ идетъ? И дѣвочка съ нимъ? Мать захворала? Матери что-нибудь купить надо? Можетъ, попросила она, знаете, какъ въ болѣзни бываетъ, лимона хочется, вотъ и пошли...

Онъ нагнулся, что-то говорить дѣвочкѣ.

— Послушайте! — кто-то окликнулъ.

Я обернулся: какая-то женщина не молодая ужъ, просто одѣтая, такъ семейныя ходять, у которыхъ заботы и много всякаго домашняго, а лицо открытое — русское.

— Послушайте! — она помахала рукой.

И тотъ, знакомый-то, тоже обернулся.

— Послушайте, что я вамъ хочу сказать, — это она къ нему, не мнѣ, — я вашей дѣвочкѣ пальто дамъ.

Тутъ только я замѣтилъ, въ чемъ была эта дѣвочка: пальто на ней плюшевое лоснилось, словно подъ утюгомъ, выжженное, и лишь по краямъ лысины чуть-чуть еще лиловое.

— Я тутъ близко на Полозовой живу, — сказала та женщина.

Знакомый мой поклонился: онъ готовъ сей-часъ же итти на Полозову.

И я увидѣлъ въ глазахъ у той женщины — — Ея глаза были полны слезъ.

И мы стояли вчетверомъ и не двигались съ мѣста.

Я хотѣлъ ей сказать, ну что-нибудь такое за всѣхъ, за все...

Да такъ и пошелъ. Назадъ — домой, на Каменноостровскій.

Смеркалось, фонари зажигались рѣдкіе между темныхъ пустыхъ фонарей.

И я не шелъ, а будто летѣлъ въ густомъ воздухѣ, не попирая земли.

И въ сумеркахъ видѣлъ я, никого не пропуская, каждого въ отдѣльности отъ первого до послѣдняго —

я отличалъ каждого, и во всякомъ, свое и разное, свое горе, свою бѣду, свое несчастіе, отъ первого до послѣдняго —

я видѣлъ, чего раньше никакъ не могъ замѣтить, и вотъ открылось въ сумеркахъ въ свѣтѣ, наливавшемся въ густомъ воздухѣ, въ свѣтѣ, поднявшемъ меня отъ земли.

ДНЕСЬ ВЕЧНА

Первые — гришки, какъ закурещать бородатые, и на ракитѣ, въ зиму сѣрыя, побурѣютъ вѣтви.

А девятаго марта летить черногузъ. И хоть что хочешь: морозъ, снѣгъ . . . — девятаго марта черногузъ обязанъ прилетѣть!

Бурыя, маслятся вѣтви, краснѣютъ.

Тополь не тронь, запачкаешься о почки: смола пошла.

Вотъ пойдетъ подъ землей кротъ преткновенный, загорбитъ лугъ. Яркимъ золотомъ зацвѣтеть въ лѣсу орѣшня — золотыя свѣчи. И кустится надъ пашнею паръ.

Хорошо, когда поздняя Пасха, когда сырую землю ковритъ мурава, и шумитъ на пасѣкѣ Божій звѣрекъ.

Кончится вечерня — разъ она въ году такая, — не такая, можжевеловая. Зайдутъ на кладбище къ бабушкѣ —

„Бабушка Ерміонія, Христосъ воскресе!“

Бабушка услышить, обрадуется и засинѣтъ ея могилка.

Наигралось, заходитъ солнце.

Въ распускныхъ бѣлыхъ платкахъ по муравѣй
съ пѣніемъ возвращаются сестры домой.

Изникаеть закать — темь заряная,
изникаеть красный пасхальный свѣтиленъ.

А глаза — Днесъ весна! —
голубиные,
а губы — Днесъ весна! —
крестныя.

днесъ весна благоухаетъ
и радуется земля...

Какая-то вертихвостка изъ сестръ милосердія
на углу Литейнаго пересѣкла дорогу Андрею
Павловичу.

И вотъ широкая бѣлая косынка ея, эта бѣлая
косынка и напомнила ему распускной бѣлый пла-
токъ сестръ, мураву, пасхальную вечерню, бабушку
Ерміонію и цвѣтной свѣтиленъ стариннаго распѣ-
ва. Разъ Андрей Павловичъ слышалъ на майской
обѣднѣ въ Парижѣ, ну, какъ будто такое что-то,
только слова другія, не весну, величали Божію
Матерь, и тогда, какъ и сію минуту, глаза его
вдругъ расширились, видя давно ушедшее — без-
возвратно.

Андрей Павловичъ шелъ по Невскому.

Куда же итти ему, бездомному, въ Свѣтлый
день —

Куда намъ всѣмъ итти за пасхальную вечерню
въ Свѣтлый день?

Въ Невскую Лавру шелъ онъ на большую
русскую могилу.

Было тепло и сухо, чуть подпыливало — нев-
скій покручивалъ вѣтерокъ.

Но это не мѣшало ни нарядности, ни наря-
женности: и безъ того животворящая рядить и
красить весна, а тутъ еще по военному времени
точно взбѣсились всѣ, и только трамваи, и ис-
флаженные — красное, синее, бѣлое, а не могли они
скрыть своей замуслеванности и изношенности и
безнадежія.

И самъ Андрей Павловичъ страшный, небри-
тый — пошелъ было въ парикмахерскую, ждалъ-
жалъ, да такъ о ушелъ — щетинистый, и онъ,
какъ трамвай некузовый буднилъ праздникъ.

Вызванное къ жизни безвозвратно ушедшее
проходило въ его памяти своимъ чередомъ.

Еще озеро не совсѣмъ открылось и широкое
плесо льдомъ покрыто и развѣ въ ночи не разом-
кнеть ли вѣтромъ.

Еще не пахано, только для пробы немногого
ороху посѣяли.

И корму для скота нигдѣ не видать.

Ждуть травки съ нетерпѣніемъ.

— Ждемъ травки съ нетерпѣніемъ! — промы-
чаль Андрей Павловичъ.

Какой травки?

Городской лазаретъ № 106.

Андрей Павловичъ вынулъ папироску, закурилъ.

Бабушка Ерміонія — Россія, въ чистотѣ дер-
жавшая старую русскую вѣру, Огненная Россія,
Послѣдняя Русь — бабушка, ты не узнала бы
Андрея, внука своего, а помнишь, приходилъ къ
тебѣ въ праздничной голубой рубахѣ съ серебря-
нымъ поясомъ, тонкій, какъ березка, помнишь, съ
сестрами-то на твою могилу . . .

Страшный, небритый, въ кепкѣ автомобильной,
съ папирской идеть онъ, какъ нечистый, надъ
головами прохожихъ дымъ пускаеть — —

А луга поняты водой и въ лѣсу отъ корней
мохъ поползъ . . .

Андрей Павловичъ остановился и стоялъ, раз-
дувая широченными ноздрями, овѣянный запахомъ
знакомыхъ цвѣтовъ.

Ну! На тротуарѣ стоять не полагается.
Вспомни скорѣе и дальше. Вспомнилъ?

„Господи, а какъ же по отчеству, какъ же это, неужто я и забыль! Мать — Мамельфа, на Бабу-Ягу похожа, а какъ старика-то Федотова? Ліда, Лідія... — и чуть не крикнуль, — Ильиниша! Лідія Ильиниша!“

И ему стало вдругъ до того ясно, до того отчетливо, и ужъ больше не замѣчалъ онъ на своей шумной дорогѣ: ни голубыхъ безшумныхъ автомобилей новыхъ расжившихся на войнѣ боягей, ни шуршащихъ дамскихъ клошей — въ два ряда колокольчикомъ, ни нѣжнѣйшихъ паутинокъ, ни лазаретовъ.

II

Вечеръ на третій день Пасхи.

Старый Федотовскій домъ, темный, съ переходами и чуланчиками.

Въ залѣ пасхальный столъ. Отъужинали. Всѣ большіе, старики, дяди и тетки, и только онъ, да Ильюша Федотовъ и то потому, что они гимналисты шестиклассники.

А Лиду спать отправили — Ліда на годъ моложе брата, гимназистка.

Что-то скучно показалось, вотъ и задумаль, пройтись ему наверхъ въ Ильюшину комнату, такъ посидѣть одному.

Вышелъ и запутался по темнымъ переходамъ, наскочилъ на зеленую черничку — въ чуланчикъ

по лѣстовкѣ молилась, это за душу старика, должно быть, грѣхи его замаливала.

Ощупью пошелъ дальше, — ужъ все равно было, куда ни приведеть. Толкнулъ дверь. Переступилъ.

И очутился въ низенькой комнатѣ.

Чуть свѣтикъ отъ лампадки — Лида.

Ну, какъ во снѣ: Лида въ голубой кофточкѣ и волосы распущены — овсяные.

И точно ждетъ его —

— Лида!

И тихо, какъ вѣточки, легкія руки положила она ему на плечи.

И они стояли такъ.

А глаза — Днесъ весна! —

голубиные,

а губы — Днесъ весна! —

крестныя.

днесъ весна благоухаетъ
и радуется земля...

Пѣли внизу, подымался изъ залы цвѣтной свѣтиленъ.

Сердце стучало —

въ ночь! подъ звѣзды! къ звѣздамъ!

сердце стучало —

такъ шель бы и шель...

на костеръ.

Лида вдругъ отвела руки.

И онъ остался одинъ.

Чуть свѣтикъ отъ лампадки, ну, какъ во снѣ.

И на всю-то жизнь помнить, какая горечь
охватила тогда душу.

— Ли-да! — покликать кто-то: въ коридорѣ
черничка, должно быть, за душу-то въ чуланчикѣ
которая зеленая молилась.

И ровно стѣна стала, вотъ замуроуетъ.

— Лида!

Лида вздрогивала вся — или испугалась?

— Тише! Веренея ходить...

И глаза ея, чего они молили? и о чёмъ горько-
ковали? — Днесъ весна! —

голубиные —

днесъ весна благоухаетъ

и радуется земля...

Пѣли внизу цвѣтной свѣтиленъ стариннымъ
распѣвомъ Огненной Послѣдней Руси и римскихъ
катакомбъ Севастьяна-мученика.

Нѣсколько разъ мелькомъ видѣль ее въ Моленной.

Потомъ какъ-то встрѣтилъ на улицѣ: шла изъ
бани съ Веренеей.

Думалъ онъ о ней? Нѣтъ. А она, вспоминала ли? И не вспоминала.

И только, когда начинали пѣть третью славу третьей каѳизмы:

„Боже, Боже мой, вонми ми, вскую остави мя далече...“ —

горечь неутолимая впивалась ему въ сердце, и такъ бы и сжегъ все, и ушелъ, куда глаза глядятъ.

Ужъ въ восьмомъ классѣ, какъ-то на масленицѣ, попалъ онъ къ Федотовымъ. Много было своей молодежи — и гимназистовъ, и гимназистокъ. Больше не мѣшали — отецъ уѣхалъ въ гости, а мать — Баба-Яга — побыла немного и ушла на свою половину, и только одна Веренея-черничка съ лѣстовкой, какъ истуканъ, сидѣла за самоваромъ, зеленая.

Затѣяли игру въ Оракула.

И почему-то Оракуль долженъ быль предсказывать судьбу не на людяхъ, а въ сосѣдней заставленной комнатенкѣ, и къ нему по очереди входили, какъ на исповѣдь.

А была Оракуломъ Лida.

И когда пришла очередь итти къ ней, вдругъ запрыгало его сердце, а вѣдь ничего онъ не чувствовалъ, не думалъ, не вспоминалъ.

И, что странно, Веренея куда-то скрылась. Лida сидѣла, покрытая платкомъ: онъ долженъ

дотронуться до ея головы, и она ему судьбу его скажеть — такая игра.

И лишь только онъ коснулся ея, она узнала —
Сбросила она съ себя платокъ, поднялась —
и смотрѣла въ глаза ему и такъ, точно прощалась
— теперь ужъ на всю жизнь! — и тосковала —
и это такъ, какъ ты родился, и такъ, какъ умрешь,
безповоротно.

— Ли-да! — окрикнулъ кто-то за дверью.

Она проворно закрылась и опять сѣла.

И видно было и черезъ платокъ, какъ вѣдравивала вся.

— Что вы такъ долго? — стучали въ дверь.

— Лида!

И голосъ его звучаль, какъ съ того свѣта:
она его слышала и не вѣрила, слышала и плакала неутолимо.

— Вы были сорокъ пять минутъ! — сказалъ ему въ дверяхъ какой-то дожидавшійся очереди гимназистъ.

Но ему все равно — какъ замурованный! —
и только сердце, только немудрое сердце, рвущееся въ неутолимой тоскѣ:

„Боже, Боже мой, вонми ми, вскую остави мя
далече . . .“

Больше онъ ее никогда не видѣлъ.

Слышалъ, что гимназію не кончила, вышла замужъ, дѣти пошли, живеть богато.

Такъ и кончилось, наступила жизнь житейская.

III

Андрей Павловичъ человѣкъ мудреный.

Говорилъ онъ мало и рѣдко, но всегда что-нибудь такое, сразу и не сообразишь. Какимъ-то двумъ дамамъ, пристававшимъ сказать имъ особенное, предсказалъ смерть: сказалъ, громомъ убить — и убило, обѣ въ одинъ годъ померли.

А помните, заграничную знаменитость чествовали, Дузэ что ли, еще въ газетахъ послѣ много писали?

Это Андрея Павловича изобрѣтеніе.

Заѣхала въ Питеръ знаменитость, и надо было такъ ее принять, чтобы во-вѣки восчувствовала. А все, что предлагали, — обѣдъ, вѣнки, сервисы — было слишкомъ незначительно и совсѣмъ не отвѣчало ни чувству, ни лицу. Вотъ тутъ-то Андрей Павловичъ и присовѣтовалъ: безъ всякихъ вѣнковъ, безъ всего выступить всѣмъ дружно и замереть — духъ, моль, захватило, ни словъ, ничего нѣтъ. Понравилось. Да такъ и сдѣлали, охотниковъ нашлось сколько хочешь. И вы представляете, что это было? Знаменитость мало того, что обидѣлась, а и на-смерть перепугалась

— одинъ Андрей Павловичъ чего стоитъ съ замеревшимъ-то духомъ!

Тоже вотъ случай, о которомъ вся Москва говорила и театральная и литературная.

Завелся у Андрея Павловича солитеръ. И такъ и этакъ пробовалъ извести, да проклятый крѣпко засѣль,ничѣмъ не вытуришь и, что ты тамъ не дѣлай, вылѣзать не хочетъ. И ужъ охота пропала возиться — положился на судьбу: придетъ срокъ, самъ уберется безо всякихъ.

Да такъ оно и вышло, пришелъ, значитъ, срокъ, и сталъ онъ по-маленьку выходить: сначала отрывками, потомъ пошло лентой, только мотай!

А жилъ Андрей Павловичъ въ меблированныхъ комнатахъ на Бронной и сами понимаете, засиживаться въ одномъ мѣстѣ не очень удобно всякому хочется, постоянно стучать.

Стучать — а онъ знай себѣ мотаетъ — мотаетъ и мотаетъ — сажень тридцать этакъ смотаешь. Ну, а нужда-то просить, такой стукъ не дай Богъ. Что дѣлать? Не отворить невозможно, отворить же — случая жалко: вберется на задъ, жди еще когда!

Андрей Павловичъ взялъ газету, не успѣль еще какъ слѣдуетъ прочитать, на вечеръ берегъ, сегодняшнюю Русское Слово — да газетой его узломъ и скрутиль. И вышелъ. Думаетъ, сосѣда пропущу и опять за работу! Думалъ, вымотаетъ еще сколько, а потомъ головка выйдетъ иника-

кого слѣда не останется. И только это сосѣдство кончилъ, мѣсто опорожнилось, иди опять продолжай, идетъ по коридору знакомый: какъ разъ Андрей Павловичъ и нуженъ — требуютъ немедленно въ театръ! Андрей Павловичъ служилъ въ театръ режиссёромъ — дѣло сурьезное и не итти никакъ нельзя. И пошелъ. Одѣлся и пошелъ. А изъ театра на обѣдъ. А съ обѣда опять въ театръ на спектакль. И такъ до утра. И дома спать легъ. А на утро схватился — и нѣть ничего, чисто, ускользнуль, проклятый, и газету съ собой упёръ, цѣлое, вѣдь, Русское Слово! Григорія Петрова статья, помнить, еще Яблоновский, кажется — все съ собой вобралъ.

Да, Андрей Павловичъ Бураковъ, дѣйствительно, мудреный.

Андрей Павловичъ свой собственный маленький язычекъ проглотилъ.

Дружилъ онъ съ одной египтянкой — и вѣдь надо же такое придумать, изъ самаго Египта фараонова въ циркѣ Чинизелли тутъ наѣздницей служила. Какъ-то послѣ представлени¤ повезъ онъ эту египтянку свою въ ресторанъ ужинать, выпилъ холоднаго пива и простудилъ горло. Перешить и першить и ровно куда тамъ бумажка прилипла и никакъ не отлипаетъ, а глотать ничего. И не обратилъ вниманія, ну, послѣ ужъ, посовѣтовали, смазалъ юдомъ, и больше не беспокоило.

А въ одинъ прекрасный день, сидимъ съ нимъ за самоваромъ — лѣтнее время, пить хочется — налилъ я ему стаканъ, а онъ, чтобы подождать, нѣтъ, какъ горячаго-то глотнетъ, да съ чаемъ, видно, и проглотилъ: туда-сюда — нѣтъ язычка.

Къ зеркалу — нѣтъ его нигдѣ.

Взялъ я лупу — чисто.

Ну, былъ язычекъ и нѣтъ, Богъ съ нимъ, только вотъ бѣда — голосъ пропалъ. Первое-то время очень ему тяжело было, потомъ попривыкъ.

И женился Андрей Павловичъ по-чудному: вѣничался въ калошахъ.

И оттого ли, что въ калошахъ вѣничался или это Русское Слово причина, съ Григоріемъ Петровымъ, Яблоновскимъ и всѣми объявленіями вобравшееся на солитеромъ хвостъ по кишкамъ къ сердцу или еще почему — всего, вѣдь, не высмотрѣши — только годъ-два была еще настоящая жизнь: жилъ онъ съ женой тихо-смирно, совсѣмъ, одинъ безъ другого ни на шагъ.

И какое совпаденіе, ну, совсѣмъ другая была, а тоже Лидіей звали, Лида!

А ужъ на третій годъ стали другъ на друга раздражаться, постоянноссорятся: она фыркаетъ,

онъ молчитъ, да такъ, лучше бы ужъ кулакомъ. И только на людяхъ будто по-старому — изолгались передъ людьми, измучили другъ друга. И больше не одни въ домѣ, какъ прежде, а и сестра ея съ ними, и еще другая сестра пріѣхала, а по-томъ и мать, — всю квартиру заняли.

А былъ въ домѣ такой загончикъ въ родѣ чуланчика Федотова, гдѣ Веренея-черничка по лѣстовкѣ за душу молилась зеленая, тутъ онъ и ютился, впрочемъ, домой возвращался онъ поздно и прямо спать.

А какъ-то, тоже въ одинъ прекрасный день, проснулся онъ утромъ, хватъ, а въ домѣ пусто — никого: ни жены, ни тещи, ни сестеръ. И голо: все, что было, все съ собой забрали и зачѣмъ-то, какія были сорочки, ну все бѣлье его увезли.

Такъ, въ чемъ былъ, въ томъ и остался.

Вотъ она, жизнь-то житейская !

„И у всякой птицы есть свое горе!“ — почему-то подумалось.

И эта словами сказавшаяся мысль словно пробудила его.

Онъ перешелъ Золотоношскую, еще и не-
много и Невская лавра.

Въ лаврѣ звонили къ пасхальной вечернѣ.

Бабушка Ерміонія — Россія, въ чистотѣ дер-
жавшая старую русскую вѣру, Огненная Россія,
Послѣдняя Русь — бабушка, ты не узнала бы
Андрея, внука своего, а помнишь, приходилъ къ
тебѣ въ праздничной голубой рубахѣ съ серебря-
нымъ поясомъ, тонкій, какъ березка, помнишь, съ
сестрами-то на твою могилу . . .

Въ лаврѣ звонили къ пасхальной вечернѣ —
отзванивали по-пасхальному — Днесъ весна! —
по-весеннему —

днесъ весна благоухаетъ
и радуется земля . . .

Съ народомъ — съ ребятишками вошелъ Ан-
дрей Павловичъ въ лаврскія ворота.

И сейчасъ, какъ изъ арки выйдешь, по пра-
вой руку, увидѣлъ памятникъ —

И, какъ когда-то съ сестрами у могилы бабушки Ерміоніи, остановился — памятникъ огненной скорби — Достоевскаго.

— Федоръ Михайловичъ, Христосъ воскресъ!

КИТАЙ

Шуркъ три года, мальчикъ онъ крѣпкій, зу-
бастый, а какъ надѣнеть на голову черную съ
шарикомъ тибитейку, ну, такой чудной, татарченокъ.

Шурку зовутъ Шуркой, а еще и Пѣтухъ.

Почему Пѣтухъ, неизвѣстно, но ему это очень
по сердцу, и, когда его такъ покличешь, онъ лу-
каво прищурится и улыбнется.

— Пѣтухъ!

Въ Таганку изъ деревни, изъ Кислова, попалъ
Шурка на побывку къ крестной съ матерью своей
Сашей, нянькой Гали, — Галя, гимназистка-третье-
классница, Шуркина крестная, — спить Шурка
на Устюшиной кровати съ Сашей, а Устюша ку-
харка на полу около, а встаетъ Шурка первый и
чуть свѣтъ на ногахъ ужъ, вотъ почему, должно
быть, и Пѣтухъ онъ.

Я, какъ и Шурка, попалъ въ Таганку тоже
на побывку, а комната моя черезъ кухню, потому
я все и знаю.

На новомъ мѣстѣ, хоть и послѣ дороги, а заснуть я долго не могъ.

Отъ кухни, что-ли, въ моей теплой комнатѣ очень много было маленькихъ таракановъ: они бѣгали по рукомойнику такіе вотъ малюсенькіе съ усиками, а мнѣ все казалось, когда потушилъ свѣтъ, по мнѣ бѣгаютъ.

И вспоминался разговоръ съ хозяиномъ, прaporщикомъ, вернувшимся домой въ отпускъ изъ госпиталя, и одинъ изъ разсказовъ его особенно.

Былъ у нихъ одинъ прaporщикъ, не молодой ужъ, и вотъ, во время отступленій послѣ трехъ дней отхода, когда стало чуть поспокойнѣе, и онъ увидѣлъ своихъ — кого безъ носа, кого безъ руки, кого безъ ноги, съ нимъ вдругъ произошло такое, чего онъ никакъ не могъ ожидать и о чёмъ никогда и не думалъ: онъ уже не могъ больше слышать снарядовъ, — всего дергало, и никакъ не могъ остановить слезъ, и все-таки продолжалъ командовать и по-прежнему рапортовалъ начальству.

А я, и вправду осыпанный маленькими тараканами, бѣгающими по мнѣ, я въ жару все ворочался, все-то видѣлось: видѣлъ я, какъ этотъ самый прaporщикъ, потрясенный несчастіемъ, командуетъ и рапортуетъ начальству своему и не можетъ удержать слезъ — —

И Саша съ Устюшкой не спали. Устюша рассказывала Сашѣ про свое, какъ въ Великій

четвергъ, когда люди въ церковь къ евангелиямъ пошли и тамъ со свѣчами стояли, она стояла въ очереди.

— За яицами! — жаловалась Устюша, — грѣхъ одинъ.

А Саша ей о деревнѣ, о своемъ Кисловѣ, гдѣ остались бабы одинѣ.

По словамъ Саши, всѣхъ бабъ погонять въ Китай, — потому что въ Китаѣ бабъ нѣть, а на ихъ мѣсто, въ Кислово, пришлютъ китайскихъ мужиковъ.

— Китай, — говорила Саша и говорила это особеннымъ голосомъ, — Ки-та-ай, синій, грязный...

Саша баба молодая, крѣпкая, броватая, мужъ ея Анисимъ въ солдатахъ, а Устюша хоть и не такая, но и не какая-нибудь, и разговоръ долго держится около Китая, то-есть китайца, и понемногу Сашины китайскіе мужики, которыхъ пригоняютъ въ Кислово на мѣсто бабъ, превращаются въ нѣчто большее.

— Анисимъ подъ Петроградомъ стоитъ, — шепчетъ Саша, давясь надъ новымъ мудренымъ названіемъ, труднымъ и нескладнымъ для простого русского человѣка, и передѣльвая его какъ-то по своему, — у нихъ тамъ этихъ мужиковъ страсть...

— Къ Орловой барынѣ, самъ баринъ-то мясный, тоже китайскій мужикъ, ходить! — фыркнула изъ-подъ тряпокъ Устюша съ полу.

И отъ Орловыхъ перешла она къ сосѣдямъ Коняевымъ и къ какому-то Таганскому страннику, который на Москвѣ „мощамъ торгуетъ“, и тоже — — изъ мужиковъ китайскихъ.

— Пошла я въ банию, моемся, душъ нась двадцать бабъ, взяла я шайку окатиться и только нацѣлилась, хватъ мужикъ входить, такъ и ахнули. „Не беспокойтесь!“ говоритъ, а самъ воду остановилъ, чортъ мохнатый, да у крановъ съ полчаса возился, наорались на полкѣ-то!

— Китай, — вздыхала Саша, — си-ній, грязный.

Приснилась мнѣ Петропавловская крѣпость, не такая, какъ осѣла она надъ Невой, невидная изъ-за дворцовъ, видная лишь золотымъ своимъ шпилемъ, а какая-то съ гравюры, увеличенная и одушевленная, [буква Письменной]

Насъ отобрали негодящихъ — слѣпыхъ, хромыхъ, зяблыхъ, насъ поставили защищать крѣпость, а начальникомъ нашимъ будто редакторъ одного, пока что еще не прихлопнутаго, кое-какъ выходящаго, петербургскаго толстаго журнала, я его въ глаза не знаю, но тутъ узналь, — на адвоката Переверзева похожъ и въ золотыхъ эполетахъ. И всѣ мы хорошо понимаемъ, что крѣпости намъ не отстоять, и смерть неминуема.

Я стою подъ высокой, ничѣмъ не защищенной аркой, я вижу холодное сѣрое небо, сѣрую каменную, скользко накатанную площадь, а издалека,

какъ на картинкѣ, ползутъ и прямо на насъ, какъ черные черви — —

Туть закричалъ Шурка, и я проснулся.

А Шурка закричалъ потому, что ему тоже сонъ приснился.

А снилось ему, будто, большое поле, и по полю все головы человѣчи, маленькия, бѣлые, на тонкихъ шейкахъ, какъ стебельки, и вотъ, откуда ни возьмись, пришли двѣ черные головы огромные и стали ъсть эти маленькия бѣлые головы —

Шурка испугался и закричалъ.

Закричала и Устюша.

Показалось Устюшѣ, будто нечистая сила, невидимая, крутить ее по полу, и ничѣмъ не остановишь, такъ и крутить, и крутить — —

— Кара-уль!!

II

Шурка не боится ни Бубуси, такъ зоветъ онъ Иду, мать Гали, хозяйку, ни прапорщика, хозяина, молчаливаго, лишь изрѣдка окликавшаго Шурку — Пѣтухъ! — ни самой Гали, крестной своей, ни брата ея Бориса, съ малыхъ лѣтъ знавшаго поименно всѣхъ таганскихъ собакъ, ни стараго учителя Гали Николая Павловича — Галя два раза въ недѣлю пальчиками по утрамъ играеть на рояли, а Павлычъ около сидитъ, ноты ей считаетъ ба-

сомъ, — никого не боится Шурка, а вотъ мнѣ долго не поддавался.

Я пробовалъ заговаривать по-птичemu, вы-свистывалъ всякие разговоры, птички откликаются — и теперь чижикъ, молча встряхивающійся на жердочкѣ, откликнулся изъ клѣтки, а Шурка, какъ усѣлся на диванъ, такъ и сидѣлъ, съ опаской по-сматривая.

Хозяинъ, приладившійся за два съ слишкомъ года къ подневольной окопной жизни, гдѣ газета и книга — рѣдкость и одно развлеченіе — чай, хозяиничалъ съ большимъ умѣніемъ: чай мы пили и крѣпкій, и крутой.

Разговоръ сначала шелъ о газетныхъ новостяхъ, о войнѣ, конечно, потомъ такъ обо всемъ, по-московски.

На Москвѣ всякий знаетъ, что вечерня на Плащаницу въ два часа, а въ Прощеное воскресенье да въ первый день Пасхи въ три. Въ первый день Пасхи трезвонять до двухъ, затѣмъ часъ на отдыхъ, и ровно въ три, и это такъ же, какъ ровно въ полночь подъ Пасху, начинается по всей Москвѣ благовѣсть.

Я жаловался на наши порядки — кому же, какъ не Москвѣ, матери городовъ, и пожаловаться на Петроградъ!

Нынѣшнюю Пасху мнѣ не пришлось постоять на Пасхальной вечернѣ: собрался я, нарочно, за-

года, торопился и около трехъ былъ ужъ въ церкви и два часа ждалъ — на колокольнѣ безъ толку звонили! — да такъ и ушелъ и не одинъ, — нась ушло не мало.

Оказывается, батюшки-то по приходу с т р ъ -
л я л и .

— Да что говорить, у васъ въ Петербургѣ Христосъ воскресъ, какъ слѣдуетъ, не умѣютъ пропѣть!

И разговоръ перешелъ къ церковнымъ рас-
пѣвамъ.

Въ Россіи, что ни губернія, то свой распѣвъ,
и есть исконный нашъ русскій з на м е н и й :

„Въ черннемъ мори браконеискусныя невѣсты
образъ написася...“

Да, этого до смерти не забудешь!

И есть еще столповой, чѣмъ Москва
гордится, Большого Московскаго Успенскаго Собора:

— „Преобразившися на горѣ, Христе Боже...“

Какъ загудутъ соборяне, такъ при царѣ Иванѣ
Грозномъ пѣли, такъ и нынче услышишь.

— А у нась: „Сорокъ дѣвокъ, одинъ я...“ —
но я это сказалъ такъ, больше отъ горечи, въ
сердцахъ.

Никогда не забуду, какъ прошедшей весной
шелъ я разъ днемъ по Невскому. День былъ

пасмурный, мглистый, — текло. И вижу, на-
встрѣчу, и Богъ знаетъ, куда это ихъ гнали, къ
Воинскому начальнику что ли, душъ пятьдесятъ,
одинъ подъ стать другому, ободранные и въ чёмъ
только душа, не въ ногу, въ ногу не попадаютъ,
а сзади старухи какія-то убитыя, заплаканныя и
казенная повозка съ сундуками. Конечно, какіе
это солдаты и всѣхъ ихъ забракуютъ, или уже
забраковали, но по положенію-то своему они все-
таки призывные и, все равно какъ солдаты на-
стоящіе. И вотъ на углу Литейнаго около Со-
ловьевъ, на самой толчѣ и пришла какому-то
несчастная мысль запѣть пѣсню, какъ по-насто-
ящему. Ни голосовъ, ни слуха — какой ужъ тамъ
слухъ! — а затянули: „Сорокъ дѣвокъ одинъ я...“
И какъ это затянули они, вѣрите ли, всѣ мы,
прохожіе, всякие, сколько ни было нась, всѣ мы
на минуту остановились. „Сорокъ дѣвокъ, одинъ
я, дѣвки въ лѣсь, — я за ними...“ — а въ
хвостѣ-то эти старухи — мать, тетка, бабушка —
озяблыя, заплаканныя, одинъ Богъ видѣть, что
думой-то передумавшія, сердцемъ-то своимъ ста-
рымъ, горькимъ изболѣвшія по всѣмъ этимъ по
Иванушкамъ. Мнѣ надо было на Фонтанку по-
дѣлу, я заторопился, и успѣлъ во-время и назадъ
ужъ на трамваѣ по Бассейной, а слѣзаю на углу
8-ой Рождественской и опять — и ушамъ не вѣрю
— „Сорокъ дѣвокъ, одинъ я, дѣвки лягутъ...“
Да это тѣ самые, только еще, только доплелись
съ Невскаго, маршируютъ по Суворовскому. Годъ

прошелъ, а мнѣ почему-то все вспоминается — и ужъ не до смѣха — досада и какая-то горечь лютая. Я вспоминалъ въ несчастіяхъ нашихъ, я всякий разъ вспоминаю, когда на голову измученной, безталанной родины нашей недоля, словно въ насмѣшку надъ святыней нашей, надъ Кремлемъ московскимъ, надъ знаменнымъ распѣвомъ и надъ всѣмъ, чѣмъ жива душа, валить бѣду за бѣдой — предательства, происки, погромы, хищеніе, Господи, съ великаго-то ума чего-чего только ни натворили мы за это страшное время, — вѣдь, стыдно въ глаза посмотрѣть! Или это допѣваетъ свою пѣсенку Петроградъ?

— Нѣтъ, — говорю, — у насъ тоже... у насъ, у Спаса Колтовскаго, уставщикъ Валаамовской, Іоаннъ Колтовской, основатель Саровской пустыни, замученъ Бирономъ, и цѣпи его въ церкви хранятся въ притворѣ.

И переходитъ разговоръ къ Сарову, къ народнымъ толкамъ, къ юродивымъ и блаженнымъ.

Идетъ молва, дядя Александръ разсказывалъ, — дядя Александръ возить въ Саровъ богомольцевъ, человѣкъ правильный, зря не сказалъ бы.

— А сказалъ онъ вотъ что, будто юродивая одна за три дня до объявленія войны остановли-

вала проѣзжихъ: „Куда вы Ѳдете? Отецъ Сера-
фимъ пошелъ съ котомкой на войну, три года не
будеть!“

— Три года? — переспросилъ хозяинъ не-
весело.

— Тоже и дѣти предчувствовали: старыя нянь-
ки разсказываютъ, что за годъ до войны ребя-
тишки такую войну завели, не дай Богъ!

— А вотъ у насъ прапорщикъ есть знакомый
Прокоповъ, ему у Лѣтняго сада одинъ сборщикъ
предсказалъ, старишокъ: „Меча, говоритъ, не обна-
жиши!“ И что же вы думаете, попалъ въ „об-
становку мирнаго времени“ и до сей поры здрав-
ствуетъ.“

— Ну, это еще ничего ни значитьъ, — ска-
залъ хозяинъ, — я съ первого шагу въ бояхъ, а
не разу не стрѣлялъ. Теперь это по другому
дѣлается.

Ударились въ таганскія были.

Вспомнили, конечно, Алексѣя странника.

Чудолѣяль этотъ странникъ Алексѣй на Таганкѣ
въ родѣ монаха. Всякіе бывають странники, —
нѣтъ на землѣ ни единаго ни въ человѣкахъ, ни
въ звѣряхъ никого на одно лицо! А было это
еще при жизни Василия Степановича Лебедева,
знаменитаго, всей Москвѣ извѣстнаго регента, и

скажу, всероссійскаго. Странникъ въ ряскѣ — ликъ благообразный, зракъ — умиленіе, монахомъ обходилъ именитые таганскіе дома, пугалъ Страшнымъ судомъ и былъ въ большомъ почетѣ. Какъ-то и вздумалось заглянуть ему къ Василію Степановичу. Мнѣ довелось, гимназистомъ еще, не разъ бывать у знаменитаго регента — добрый былъ, хороший старикъ, ласковый и настоящій русскій человѣкъ: и съ удачами — знаменитость! — и съ несчастіями — много подъ-ножку-то давали! — и съ сердцемъ и съ прощеніемъ. А жиль онъ въ Глотовомъ переулкѣ на Воронцовской съ племянникомъ, да съ тетушкой старухой Татьяной Константиновной. Вломился къ нимъ странникъ съ большимъ достоинствомъ, такъ что Василій-то Степановичъ, видавшій виды, а оробѣлъ и ужъ не знай: не то подъ благословеніе подходить, не то такъ выйти поздороваться, и на всякий случай сложилъ руки, какъ подъ благословеніе. Ну, да все обошлось благополучно. Разговорились. Надо угостить гостя. Собрала тетушка подносъ — у Василія Степановича такое ужъ было заведеніе: подавался гостямъ подносъ и вся на немъ лавка Косичкина, — и водка, и пивко, и грибки всякие и „колбасица“. И началось угощеніе. А за рюмочкой полетѣло время. Уже вечеръ сталъ. Заглядывала со страхомъ тетушка черезъ дверь въ комнату: водка допита, пиво кончено, и ужъ странникъ прямо съ подноса вмѣстѣ съ пепломъ и объѣдками хлебаль пролитое и расплеснутое.

Угощенье угощеньемъ и разговоръ разгово-
ромъ

„Давай пѣть!“

„Чего пѣть?“

„Господи возвахъ“.

Крякнули, откашлянулись и запѣли.

И все по-хорошему, да не выдержалъ стран-
никъ, да на „воньми“, приподнявъ рясу, какъ
хватить „Устюшкину мать“ и пошелъ —

устюшкина мать
собиралась помирать,
я ей гробъ тес-катъ,
а она плясать.

И такое ногами выдѣльвалъ, ужъ Богъ съ
ней, съ посудой, лампадка потухла. Весь поль-
уходиль, расшвыряль сапогами дорожки, да видно
есть и такому предѣль, духъ что ли захватило,
на минуту сталъ —

„Намъ звуковъ не надо!“ — крикнулъ во
всю да какъ сиганеть и прямо въ комнату къ
тетушкѣ, къ Татьянѣ Константиновнѣ, да на кро-
вать къ ней, къ смиренной-то старой дѣвствен-
ницѣ, и захрапѣль.

И ужъ никакими силами не сгонишь, хоть на
рукахъ выноси.

А кончилъ странникъ печально: пристрастился
на площади въ ремешокъ играть, такая игра есть,
въ чемъ-то попался, не спустили, и самъ подрался,

ну, и въ участокъ, а тамъ еще чего-то дознались, и прощайте.

- А какую это онъ еще пѣсню-то пѣлъ?
- Про кукушку!
- Высокимъ голосомъ:

ахъ, не ке-ку-ке-куй, ке-кушка,
а-а-а-ахъ! — —

Такъ, понемногу, и совсѣмъ незамѣтно, вошелъ я въ говорильню московскую.

Ужъ Галѣ пора было собираться въ гимназію, — нынче въ гимназіяхъ двѣ очереди: однѣ ходять, какъ прежде, съ утра, другія послѣ обѣда.

И про Шурку я совсѣмъ было забылъ, да онъ самъ о себѣ напомнилъ.

За нашимъ разговоромъ Шурка съ дивана тихонько пробрался къ Галѣ. Галя дала ему свой мячикъ поиграть, а сама на минутку вышла. А когда вернулась, мячика у Шурки не было. Туда-сюда, нѣтъ нигдѣ. Выбѣгалъ ли безъ нея Шурка, она никакъ не могла добиться, а окно открыто, — въ окно, должно быть, и выбросилъ. Чуть не плакала Галя: такого мячика теперь нипочемъ не достать, а новый купить — дорого.

И бросили мы разговоры, принялись этотъ самый мячикъ разыскивать.

А Шурка то убѣжитъ въ кухню, то опять около нась вертится. Показываемъ ему на окно, — въ окно, моль, выбросилъ? Нѣтъ, головой мотаетъ, значитъ, не выбрасывалъ...

— Да гдѣ же, куда запропастилъ?

— Конечно, Шурка въ окно выбросилъ!

Со слезами собирала Гая книжки въ гимназію итти.

— Ахъ, ты, Пѣтухъ, Пѣтухъ!

Да, слава Богу, Саша выручила: мячикъ нашелся.

— Закатиль мячикъ подъ печку, экій! — несла Саша мячикъ изъ кухни, какъ какое сокровище.

Рада была Гая и слезъ какъ не бывало, а Шурка — вдвое.

— Зайчики разбѣжались! — почему-то сказалъ Шурка.

— Какие зайчики?

— Ма-аленькие! — онъ растопырилъ пальцы, такъ только дѣти показываютъ, такъ вотъ, а самъ на меня лукаво посматривалъ и улыбался.

И съ этой минуты сдѣлались мы съ Шуркой большіе пріятели.

III

Хозяинъ сказалъ, что маленькие тараканы не кусаются.

— Большіе, дѣло другое, а маленькие не кусаются.

Я повѣриль и съ тѣхъ поръ спалъ спокойно. И во снѣ мнѣ ничего больше не снилось, никакихъ страховъ. Не снилось и Шуркѣ и Устюшѣ, — никто не кричалъ по ночамъ.

Первый поднимался Шурка. За Шуркой Устюша — ей надо въ очередь, за хлѣбомъ въ лавку. Саша ставила самоваръ, поила чаемъ Бориса, и Борисъ шелъ въ училище.

А еще спить и Галя, и Ида мать Гали, и хозяинъ: Галя съ матерью — въ спальнѣ, хозяинъ — въ столовой.

И, пока не зашевелятся, ниходить, ни топать, ни кричать нельзя, можно говорить, и то только тихонько.

Въ прихожей между дверью и буфетомъ стоить маленькая подножная скамеечка. Если пріотворить изъ столовой дверь, она упрется въ буфетъ и закроетъ въ прихожей уголь со скамейкой. Въ этомъ-то тайникѣ за дверью, незамѣтные никому, мы и сидимъ по утрамъ.

Шурка сидитъ на скамеечкѣ, а я на корточкахъ около.

— Садись и ты! — подвигается Шурка.
Но этого сдѣлать никакъ невозможно.

Я разсказываю Шуркѣ, какая у насъ на дворѣ огромная собака — днемъ она по двору ходить, вечеромъ у конурки на веревкѣ сидить, а зовутъ Блюдо; по вечерамъ мнѣ изъ окна видно, какъ играеть Машутка съ Блюдомъ: какъ ее гладить

и почесываетъ за ушами, а Блюдо подаетъ лапу, и когда собака подаетъ лапу, Машутка потрясеть ее, какъ руку, нагнется и поцѣлуетъ. Потомъ другъ другу онъ надоѣдаются: Блюдо не подаетъ больше лапу, а Машутка, если-бъ не страшно, дернула бы за хвостъ собаку — друзья-пріятели.

— Ты китайца боишься? — шепчетъ Шурка.

Мы говоримъ только шопотомъ.

— Нѣтъ, не боюсь, а ты?

— Давай тебѣ нарисую китайцевъ!

— Ну, ладно.

Шурка изъ нашего тайника сбѣгалъ въ кухню, досталъ какой-то мыльный прѣсъ-курантъ-книжечку, а я изъ своей тараканьей комнаты карандашъ. Усѣлись по-старому.

Шурка на скамеечкѣ, а я на корточкахъ около.

— Садись и ты! — подвигается Шурка и не по-нашему беретъ въ руку карандашъ.

Сперва онъ выводить кружочекъ — это голова, потомъ завитокъ изъ кружочка — это коса, и съ другой стороны двѣ черточки — это руки, а внизъ колокольчикомъ палочки — и китаецъ готовъ.

— Китаецъ, — шепчетъ Шурка, — синій, грязный, продаетъ ситцы, полты, шали, нитки . . . ты китайца боишься?

— Нѣтъ, Шурка, зачѣмъ бояться! Ко мнѣ ходить одинъ китаецъ и пѣсни мнѣ китайскія поеть тоненько, какъ птица.

Шурка перевернула книжечку и взялся за пѣтушка: и изъ рогулекъ его вышло и въ самомъ дѣлѣ пѣтушье — пѣтушокъ, а внизу у пѣтушка палочка — его лапка.

Шурка при этомъ что-то говорилъ, да не понимаю.

Шурка говорить по-своему, шуркинымъ языкомъ, какія-то „сама-ты, ломо-ты“, потомъ, и мнѣ ясно, о Натанькѣ: какая-то въ Кисловѣ Натанька учила его Богородицу.

— Богородица Богодатная, твово жена ... — шепчетъ Шурка.

А я ему о дѣвочкѣ Наташѣ, какая это Наташа, къ намъ съ матерью ходить, ровесница Шуркѣ, какъ пушокъ, легкая, чудеснѣе въ мірѣ нѣть ея, и все говорить можетъ —

— „Милый Боженька, — молится Наташа, — дай мамѣ, папѣ, бабушкѣ, Алешѣ, Наташѣ, нянѣ и всѣмъ людямъ и мамѣ!“

— Ты китайца боишься? — перебиваетъ Шурка.

— Да, я, Шурка, самъ и есть китаецъ: дома, въ Петербургѣ, китайцемъ по домамъ хожу, про-даю ситцы, полты, шали, нитки.

— Ситцы, полты, шали, нитки ... — повторяетъ Шурка, и вѣря, и не вѣря, — ты китайца боишься? — и на всякий случай прячеть отъ меня свои маленькие пальчики: а что, если и въ самомъ дѣлѣ я китаецъ?

Въ столовой зашевелился хозяинъ. Устюша подала самоваръ. Можно и чай пить.

Шурка выбѣжалъ въ кухню, тамъ у Саши подсолнухи, набралъ полную горсть и куда-то съ лакомствомъ своимъ скрылся.

Я рассказалъ хозяину о Шуркѣ, о китайцѣ.

— Какъ же, китайца Пѣтухъ боится! Ихъ тутъ много ходить. Шурка, какъ увидить, и такой крикъ подыметъ: очень китайца боится.

Заговорили о китайцахъ, о были и небыли китайской.

Есть въ Тибетѣ главный ихъ монастырь и живеть въ томъ монастырѣ Далай-Лама, самый первый китаецъ, какъ у насъ въ Ватиканѣ папа римскій. Много было охотниковъ посмотреть на Далай-Ламу, а подступиться ка нему никакъ невозможно: монастырь въ горахъ, дороги неизвѣстны. И только лѣтъ пять назадъ вышло разрѣшеніе. И, конечно, первыми отправились англичане. Ёхали они моремъ и черезъ Индию добрались до Тибета, а тамъ ужъ ихъ поджидаютъ и на голубыхъ слонахъ на крутыя самыя горы и доставили честь-честью и прямо къ монастырю. Стоять англичане у воротъ монастырскихъ, любуются видомъ: гора на горѣ — Алтай! Отперъ привратникъ ворота, вышли монахи, сорокъ желтыхъ монаховъ, какъ на архіерейскую встрѣчу, и всѣ, какъ одинъ, заговорили по-англійски. Удивились англичане:

„Откуда, — говорятъ, — вы, отцы, такъ изловчились по нашему выражаться?“

„А! — говорить монахи, — мы по всякому можемъ, и по-португальскому!“

А когда они самаго Далай-Ламу, котораго людямъ запрещено въ лицо видѣть, наконецъ-то увидѣли, да поговорили съ нимъ по душамъ, только диву дались.

„Много ужъ вѣковъ, — сказалъ Далай-Лама на прощанье, — намъ все ваше известно — и аэропланы, и подводныя лодки, и такое еще, чего вы пока что еще не знаете, а со временемъ умомъ дойдете, только отцы наши заповѣдали намъ хранить это отъ народа въ тайнѣ: люди-то, вѣдь, какіе, живо даръ во зло себѣ обратятъ и пути не будетъ!“

И тутъ три монаха, служки, должно быть, сказали что-то по своему, можетъ, благословеніе испросили, да, подобравъ синяя полы, — англичане ужъ и глазамъ своимъ не вѣрять, — поднялись на воздухъ и полетѣли.

— Ну, на то они и китайцы! — сказалъ хозяинъ.

IV

Шурка съ подсолнухами выпелъ на черный ходъ, тамъ усѣлся на площадкѣ и тихонько занялся подсолнухами.

На минуту повѣривъ, что я — китаецъ, онъ тогда забезпокоился, но теперь догадался, что это — неправда, и хоть продаю я ситцы, полты, шали, нитки, какъ китаецъ, но я же — не въ си-немъ и косы нѣтъ, а, стало быть, — неправда, — я не китаецъ ...

Подсолнухи были такіе вкусные, но чтобы они еще вкуснѣе стали, надо обязательно ихъ ъсть безъ скорлупы: Шурка больше не думалъ ни о какомъ китайцѣ, Шурка старательно разгрызаль и ъль одни съмячки, и съ такимъ удовольствиемъ, слюни текли.

И вдругъ смотрить, а передъ нимъ китаецъ, — китаецъ вылѣзаетъ: китаецъ въ туфляхъ, неслышно поднявшись по лѣстницѣ, шелъ прямо на Шурку къ открытой двери.

И Шуркѣ ужъ никакъ не проскочить въ кухню, и отъ неожиданности и безвыходности разжалъ онъ кулачекъ съ любимыми вкусными подсол-нухами и закричалъ —

Въ столовой слышно.

— Пѣтухъ! — поднялся хозяинъ, — ужъ не китаецъ ли?

— Вѣрно, китаецъ, — поднялась и Ида.

— Китаецъ! китаецъ! — обрадовалась Галя и бросилась на кухню.

А изъ кухни несла Саша на рукахъ Шурку.

Закрываясь замуслеванными рученками, горько плакаль Шурка.

— Китай пришелъ! — объявила Саша и какъ-то по особенному выговаривая: „Кита-ай“.

Шурка не унимался.

И хозяинъ, и я, и Галя, и учитель Гали, Николай Павловичъ, всѣ мы, какъ могли, успокаивали Шурку.

Закрывшись, весь въ прилипшихъ подсолнухахъ, Шурка сидѣлъ на диванѣ. Отниметь рученки, посмотреть: не дожидается ли его китаецъ? — и опять закроется.

— Ахъ, ты, Пѣтухъ, Пѣтухъ!

Еще одно утро просидѣли мы вмѣстѣ за дверью въ тайникѣ нашемъ.

Шурка на скамеечкѣ, а я на корточкахъ около.

Я рассказалъ Шуркѣ свое огорченіе:

— Купилъ я въ Охотномъ пять фунтовъ молодого картофеля, въ двѣ бумаги завернули его, заплатилъ дорого, а какъ дотащилъ до Таганки, оказалось, что картошка старая, только мелкая и наполовину прѣлая и цѣна ей грошъ.

И сознался я Шуркѣ, что, по правдѣ сказать, немножко боюсь-таки китайца.

— Синій, грязный, — шепталъ Шурка, — я не боюсь!

А самъ былъ страшно доволенъ: не одинъ онъ, наконецъ-то и я забоялся.

А на слѣдующее утро Шурки ужъ не было: съ вечера, для меня неожиданно, уѣхалъ онъ съ

Сашей въ деревню, въ свое Кислово. Такъ и не пришлось проститься.

И мнѣ пора было, да и хозяину выходиль срокъ опять на войну ъхать.

И это послѣднее таганское утро мнѣ показалось безъ Шурки, какъ долгій день.

Галя до гимназіи все наигрывала на рояли своего сочиненія вальсъ. И вальсъ ея такой грустный — или мнѣ это слышалось? — переходилъ въ стащинную, на разные, гласы, монастырскую пустынную пѣсню — „Грядеть чернецъ“ —

грядеть чернецъ изъ монастыря,
встрѣчу ему второй чернецъ . . .

M A P A

Привидѣлось мнѣ, иду я лѣсомъ —

Какъ ночью, темно.

Иду наугадъ, а куда, самъ не знаю, все лѣ-
сомъ —

Дошелъ до поляны, — чуть посвѣтлѣло.

Болото — кочками обсажено, корягами нава-
лено — болото.

На коряженѣ мошникъ сидитъ.

Вижу мошникъ, да такой страшный, да огром-
ный, черный, глазища кровавы, голова кровава.
Сидить мошникъ на коряжинѣ, хлещетъ крылами,
хорчить.

А скрыться-то некуда:

я сюда — и онъ ко мнѣ поворачиваетъ,
я туда — и онъ ко мнѣ поворачиваетъ.

За болото въ лядинку забѣжалъ я — лядина
частая, кустатая, — за кустомъ скоронился.

А глазища и сквозь лядину горятъ —

Или это пожаръ?

Нѣтъ — —

И никуда не удешь.

Не лядина, корба — темная дикая корба —
ели да сосны, какъ наставлены подъ небо, —
непроходимая.

Иду — — не смѣло иду, безъ дороги.

„Упадеть ольшина, — э, гнилыхъ-то! — въ
кровь расколотить!“

А впереди какъ хряснетъ — ольшина обѣ
ольшину — да на-земь.

И пали обѣ и пошла изъ нихъ кровь, и такая
красная и такъ ея много — ручей.

Ручей течетъ и по немъ пѣна — огонь.

И слышу, мошникъ — —

Еще упала сосна.

И другая за ней.

И третья.

И начали валиться соснища огромныя, ели
подъ небо огромнущи — ударятся другъ о друга
и на^земь.

А кровь изъ нихъ такъ и хлещеть.

И хорчитъ, и хорчитъ.

Безъ оглядки, и безнадежно бреду по крови,
какъ по ручью —
И нѣтъ конца.
Стучить, падаетъ — валятся деревья, кровь
изъ нихъ хлещетъ —
И не видно конца.

И вижу, мальчикъ стоитъ, откуда ни взялся,
мальчикъ рукою машетъ —
Такъ листья шелестятъ въ лѣсу.
Бѣленъкій такой, рубаха бѣлая, и смеется —
Нѣтъ, это страда на устахъ.
Я къ нему, весь-то въ крови.

— — — — — — — — — — — — —

И слышу въ отвѣтъ хорчитъ мошникъ — —

1915—1922 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чайничекъ	13
Сестра усердная	57
Божій чловѣкъ	75
Перчатки	87
Тать и наутина	95
Днесь весна	105
Китай	123
Мара	147
